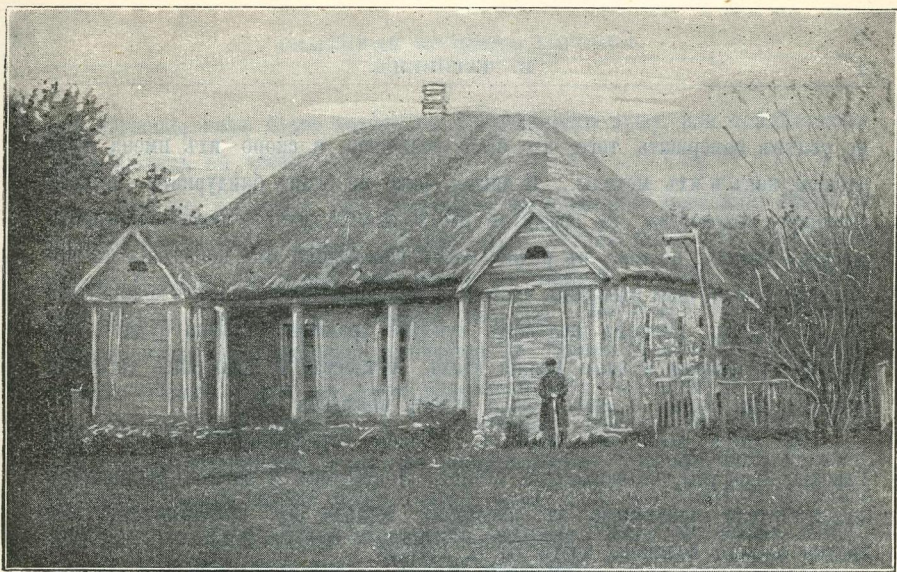

Семейная хроника Гоголей

(по бумагам семейнаго архива).

Велико и могущественно вліяніе среды въ исторіи возникновенія и созданія произведеній искусства; поэтому, приступая къ оцѣнкѣ того или иного произведенія художественнаго творчества, будь то картина, изваяніе, ораторія или эпопея—необходимо глубокое и аналитическое изученіе вліяющей среды, безъ чего пониманіе того или иного памятника искусства будетъ неполно. Но, если мы къ изученію среды, со всѣми ея особенностями и стремленіями, присоединимъ еще тщательное изученіе жизни самого творца съ его идеалами, чувствами, со всею его душою; далѣе, если намъ удастся воскресить и озарить свѣтомъ истины какъ его самого, такъ и весь родъ его, теряющійся въ давно минувшихъ годахъ—тогда только намъ станетъ понятно все: отъ великой идеи и до самаго ничтожнаго штриха, характернаго для художника. Это и будетъ „изслѣдованіе людской породы“, о которой говоритъ Тэнъ, какъ о факторѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе. Такимъ образомъ, не простое любопытство заставило насъ заглянуть въ глубь протекшихъ годовъ и даже столѣтій и вывести изъ мрака забвенія нѣсколько поколѣній, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, свойственными людямъ вообще. Гордые, могучіе, этигерои своего времени, покорные общему закону, сошли съ житейской арены, быть можетъ

не успѣвъ совершить того, что было возможно, и скоро ихъ имена были забыты, какъ и ихъ могилы... И никто, даже ни одинъ бандуристъ—пѣвецъ славнаго козачества, не помянулъ ихъ въ своихъ тихихъ, меланхолическихъ пѣсняхъ-думахъ; но лишь въ родной семьѣ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію отрывочные рассказы, часто прикрашенные легендарнымъ колоритомъ да въ старомъ, обитомъ желѣзомъ сундукѣ хранились связки бумагъ, тая въ себѣ и добрыя и злыя дѣянія этихъ личностей и дожидаясь того счастливаго дня, когда о нихъ можно будетъ повѣдать міру.

И этотъ день ужъ насталъ... Теперь предстанутъ передъ нами Танскіе, Лизогубы, Скоропадскіе, отчасти Полуботокъ и другіе—все видные представители козачества въ послѣдній періодъ его существованія, все предки нашего великаго поэта Н. В. Гоголя.

Генія часто сравниваютъ со свѣтильникомъ, озаряющимъ темную, непроглядную ночь. Дѣйствительно, свѣтъ генія—свѣтъ маяка: высоко подымаясь надъ бушующей у ногъ его пучиной, надъ всѣми волнами житейскаго моря, разбивающимися у его подножія и опять набѣгающими, бросая свои яркіе лучи далеко отъ себя, онъ освѣщаетъ многихъ забытыхъ и незамѣтныхъ во мракѣ ночи! Сколько лицъ связано съ именемъ Гоголя, какая безконечная вереница именъ, точно звенья цѣпи, поднимается въ нашемъ умѣ, когда мы начинаемъ говорить о нашемъ поэтѣ! И они имѣютъ право участвовать въ славѣ его и вмѣстѣ съ нимъ надѣяться на безсмертіе въ родномъ народѣ...

Да и самъ Гоголь любилъ свою фамильную старину, и его чуткое ухо жадно ловило всякую легенду, всякій рассказъ, относящійся къ прошлому его рода, точно также, какъ было для него высшимъ наслажденіемъ слышать заунывную пѣсню о родной Украинѣ вообще. Совершенно неосновательно и ошибочно думаютъ тѣ, которые ставятъ въ упрекъ нашему поэту его кажущееся пренебреженіе къ своей старинѣ; дѣло въ томъ, что его интересовала она не какъ ученаго, а какъ поэта.

Извѣстно его восклицаніе, вызванное любовью къ старинѣ: „Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно, давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ впутается еще какой нибудь родичъ дѣдъ или прадѣдъ—ну, тогда и рукой махни: чтобы мнѣ поперхнуться за акаѣстомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ

это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалить въ тебѣ!“.

Это не риторика! это искреннее, восторженное признаніе поэта. И правда, онъ любилъ родную старину; она близка была его душѣ, какъ близко бываетъ все родное; это видно въ каждой строкѣ, въ каждомъ восклицаніи, начиная отъ перваго выпуска „Вечеровъ“ и заканчивая чудной поэтической картиной козачества въ Тарасѣ Бульбѣ. Поэтъ лелѣялъ каждый образъ, и всѣ его герои малороссійскихъ повѣстей и рассказовъ описаны съ такой любовью: и Галя нѣжная, можетъ быть даже слишкомъ идеализированная, и могучій, непреклонный, твердый какъ камень, Тарасъ, и многіе другіе стоятъ передъ нами, какъ на картинѣ великаго мастера, на фонѣ чудной украинской природы. Какъ же можно сомнѣваться въ томъ, что Гоголь любилъ старину?

Сынъ Украины, онъ и любилъ ее родственной любовью, не позволявшей ему зачастую видѣть темныхъ пятенъ, которыя бываютъ и на солнцѣ.

Но особенно дорога была ему родная старина, куда „впутался“ какой-нибудь дѣдъ; извѣстно, что въ идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики“ подъ именемъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны выведены дѣдушка и бабушка поэта, Аѳан. Демьяновичъ и Татьяна Семеновна (ур. Лизогубъ); эта поэтическая картинка написана съ такимъ мастерствомъ, что читатель не замѣчаетъ, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается вымыселъ: все хорошо, отъ скрипящихъ дверей и до трогательной картины похоронъ; а между тѣмъ, безъ знакомства не только съ нѣкоторыми семейными преданіями, но даже и съ письменными источниками, хранившимися въ завѣтномъ сундукѣ, эта картинка не могла быть написана. Великій художникъ, предлагая картину на судъ публики, не говоритъ о томъ, сколько и какъ ему пришлось надъ нею работать. И Рѣпинъ, предлагая на судъ публики своихъ знаменитыхъ Бурлаковъ, не говорилъ о томъ, что онъ исходилъ всѣ закоулки великаго Поволжія, изучая всякую мелочь, относящуюся къ задуманной картинѣ; оттого-то вся эта ватага, надрывающая свои могучія груди тяжелой лямкой, такъ хороша, такъ поразительно правдива оттого и фигура „хозяина“, покрикивающего на бурлаковъ, такъ характерна и выразительна... Такъ и Гоголь писалъ свои художественныя произведенія, какъ истинный мастеръ, не оставляя слѣдовъ черной работы.

Преданіе о похищеніи Аѳанасіемъ Демьяновичемъ (въ повѣсти—Ивановичемъ) Татьяны Лизогубовны (въ повѣсти—Пульхеріи Ивановны) живетъ въ семьѣ Гоголя и до настоящаго времени, но въ очень интересномъ варіантѣ, который мы приведемъ ниже. Общія характерныя черты жизни и взаимныхъ отношеній старосвѣтскихъ помѣщиковъ также могли быть извѣстны Гоголю изъ разсказовъ, передаваемыхъ старыми людьми; но нѣкоторые факты и характерныя особенности поэтъ почерпнулъ изъ письменныхъ источниковъ; такъ, напримѣръ, страсть Аѳ. Ив. къ составленію различныхъ наливокъ, настоекъ, „декохтовъ“—черта любопытная и имѣющая прямое отношеніе къ дѣду поэта. Въ нашемъ распоряженіи находится интересная тетрадь, составленная Аѳанасіемъ Демьяновичемъ, наполненная рецептами для различныхъ „декохтовъ“ и настоекъ, и, что всего интереснѣе, тамъ встрѣчаются тѣ-же названія (какъ перегонять водку на персиковыя листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки), что и въ повѣсти Гоголя; точно также и лекарственныя настойки на шалфей (отъ боли въ лопаткахъ), на золототысячникъ (отъ звона въ ушахъ и отъ лишая), или различныя соленья и способы ихъ приготовленія, упоминаемые въ повѣсти, съ тою же наивною методичностью помѣщены въ этомъ Гоголевскомъ „Домостроѣ“.—Скажемъ даже, что опасенія Аѳ. Ив. на счетъ разбойниковъ („Конечно, говорилъ Аѳ. Ив., неровно всякаго случая: нападуть разбойники или другой недобрый чловѣкъ“) —имѣютъ свое фактическое основаніе въ цѣломъ рядѣ случаевъ нападений, засвидѣтельствованныхъ дѣлами, хранившимися въ томъ же сундукѣ. Но все это мелочи, и насъ могутъ даже упрекнуть въ томъ, что мы останавливаемся на нихъ въ то время, когда впереди насъ ждетъ гораздо болѣе важное и интересное.

Итакъ, въ семейномъ архивѣ Гоголей хранились интересные документы, касающіеся предковъ поэта за періодъ болѣе столѣтія—отъ Полтавской битвы и до его времени; объ этихъ документахъ нѣтъ совсѣмъ, или слишкомъ мало упоминаній въ сочиненіяхъ Гоголя; значитъ—могутъ сказать нѣкоторые—Гоголь не интересовался своею генеалогіею, жизнью и дѣятельностью своихъ предковъ... Согласимся однако, что мнѣніе это ошибочно; кажется, что вѣрнѣе будетъ высказать такого рода предположеніе, объ основательности котораго предоставляется судить всякому. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь работалъ надъ исторіею Малороссіи; если даже трудъ этотъ рисовался воображенію поэта въ грандіозныхъ размѣрахъ,

если это многотомное сочинение существовало только „въ возможности“—тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что по этому вопросу имъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ намъ извѣстно въ настоящее время. Нельзя думать, что всѣ общія даны исторію Малороссіи разрѣшились Тарасомъ Бульбою, потому что этому противорѣчатъ неложныя свидѣтельства Аксакова и другихъ, слушавшихъ отрывки изъ исторіи и даже высказывавшихъ свое мнѣніе о ней въ печати. Какова судьба постигла эти творенія—неизвѣстно: погибли ли они въ огнѣ, вмѣстѣ со многими другими въ періодъ душевнаго перелома поэта, или они затерялись гдѣ-нибудь въ пути или въ чьихъ-нибудь невѣжественныхъ рукахъ—мы не знаемъ; но ихъ въ настоящее время нѣтъ. Смѣемъ думать, что, интересуясь исторіей Малороссіи, собирая всякій матеріалъ, относящійся къ этому предмету, Гоголь не могъ пренебрегать тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который заключалъ въ себѣ ихъ семейный архивъ, состоящій изъ множества бумагъ, какъ имѣющихъ прямое отношеніе къ предкамъ поэта, такъ и относящихся къ исторіи козачества вообще. Можно быть увѣрену, что при составленіи исторіи Малороссіи этотъ матеріалъ не былъ обойденъ поэтомъ.. Соглашаясь съ нашей гипотезой или отрицая ее, всякій, полагаемъ, раздѣлитъ вмѣстѣ съ нами мнѣніе, что сюжетъ, о которомъ мы будемъ говорить, представляя немалый самостоятельный историческій интересъ, важенъ также и по отношенію къ Гоголю, рисуя передъ нами, какую важную роль въ родѣ Гоголя играло козачество, какъ изъ самой отдаленной поры идеалы его, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, проникли въ чуткую душу поэта и оттуда вылились въ формѣ высоко поэтической, давшей и самому поэту имя пѣвца козачества. Но, прежде чѣмъ углубиться въ прошлое и перенестись къ той эпохѣ, когда впервые выступаютъ на общественное поприще предки Гоголя, мы предложимъ краткую схематическую таблицу той части рода Гоголя, которая интересуетъ насъ въ настоящемъ очеркѣ.

Мы не имѣемъ въ виду разобраться во всѣхъ развѣтвленіяхъ генеалогическаго дерева Гоголей, родъ которыхъ, уходя въ глубь протекшихъ годовъ, теряется въ сумракѣ шестнадцатаго столѣтія; кое-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи и до насъ, а разработка другой части предложена однимъ изъ соучастниковъ въ нашихъ трудахъ по исторіи рода Н. В. Гоголя, знатокомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ... Родъ Танскихъ съ одной стороны и Лизогубовъ съ другой, съ примыкающими къ послѣд-

нему Скоропадскимъ и Полуботкомъ; слияніе этихъ главныхъ вѣтвей въ бракъ Анны Танской съ Семеномъ Лизогубомъ, бунчуковымъ товарищемъ Переяславскаго полка; бракъ дочери Семена Лизогуба съ войсковымъ канцеляристомъ Аѳанасіемъ Демьяновичемъ Гоголь-Яновскимъ, и дальнѣйшее продолженіе рода Гоголей до рожденія нашего поэта; картина семейной жизни, со всею ея атмосферой, со всеми традиціями, взглядами и стремленіями; вліяніе этой обстановки на развитіе характера, склонностей и направленія нашего поэта—вотъ та частица, которую мы себѣ отмежевали для настоящаго очерка.

Но, прежде чѣмъ перейти къ предмету, на которомъ будетъ остановлено благосклонное вниманіе читателей, считаю не лишнимъ и даже необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ составленъ предлагаемый очеркъ. Лѣтомъ минувшаго года я посѣтилъ родину нашего поэта, гдѣ былъ принять съ радужіемъ родными Н. В. Гоголя, свято хранящими завѣтъ поэта, не отказывать никому въ гостепріимствѣ. Благодаря безконечной любезности сестры поэта Ольги Васильевны Головни и ея сына Василя Яковлевича, я имѣлъ возможность ознакомиться со всемъ, что такъ или иначе касалось поэта и его предковъ. Въ томъ завѣтномъ сундукѣ, о которомъ я уже упоминалъ, оказался въ высшей степени цѣнный и совершенно нетронутый матеріалъ какъ для исторіи Малороссіи XVIII вѣка вообще, такъ и для исторіи рода Гоголя въ частности. Послѣднее имѣетъ въ данную минуту особенное значеніе, потому что даетъ немало новаго и интереснаго, устанавливая генеалогію именно въ той части, которая была до сихъ поръ наименѣе извѣстна, а также представляя возможность ознакомиться съ нѣкоторыми событіями и личностями, интересными во многихъ отношеніяхъ.

Первою изъ нихъ является полковникъ Переяславскій Василій Танскій, къ которому мы теперь и переходимъ.

Волохъ по происхожденію, онъ еще молодымъ человѣкомъ, вмѣстѣ со многими другими представителями той же націи перейдя въ русское подданство при Петрѣ Великомъ, поступилъ на службу въ славное козацкое войско, гдѣ обратилъ на себя вниманіе и храбростью, и отвагою, и умомъ, что въ особенности онъ выказалъ уже въ Шведскую кампанію. Образованный, владѣвшій нѣсколькими языками—въ томъ числѣ французскимъ и латинскимъ, онъ легко могъ стать выше многихъ представителей козацкой старшины и обратить на себя вниманіе высшихъ властей, къ

чему онъ видимо стремился и чего достигъ въ очень короткое время. Впрочемъ, быть можетъ, не только такія положительныя качества сдѣлали его извѣстнымъ самому гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому: хитрость и умѣнье пользоваться обстоятельствами—черты, свойственныя и нашему коренному козачеству — играли тоже немалую роль. Находясь въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ гетманомъ, онъ неоднократно напоминалъ ему о томъ, что заслуги его передъ Русскою землею такъ значительны, что слѣдовало бы наградить его какимъ-нибудь помѣстьемъ, хотя бы и въ Малороссіи. Уступая частымъ просьбамъ и напоминаніямъ, гетманъ издаетъ универсалъ, по которому Василій Танскій, значный войсковой товарищъ, получаетъ село Озеряне, находящееся въ Переяславскомъ полку, Басанской сотнѣ. Этотъ щедрый даръ гетманъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „иже просилъ насъ панъ Василій Танскій значный товарищъ войсковый о наданіе себѣ якового сельца на wsparте своего господарства и для притулиса егоже статку. Теды мы гетманъ тому оного прошенію неодмовившы, а респектуючи на знаменитые его подѣ чась бытности въ Малой Россіи непріятеля шведа, при великороссійскихъ Царскаго пресвѣтлаго Величества войскахъ мѣючи подѣ своею коммендою компанію верне и статечне показанніе услуги, до которыхъ и подѣ рейментомъ нашимъ мешкаючи метиметь охоту, яко надаемо помянутому п-ну Василю Танскому село Озеряне въ Полку Переяславскомъ въ сотнѣ Басанской будучое, позволяючи оному отъ людей посполитыхъ тамъ мѣшкающихъ всякое одбирати послушенство и повиновеніе“ (Дек. 3 дня 1715 г.).

Заручившись такимъ универсаломъ, Василій Танскій отправляется въ Петербургъ и тамъ хлопочетъ о полученіи жалованной грамоты на село Озеряне; его старанія увѣнчались успѣхомъ: Іюля 7-го дня 1716 г. была получена жалованная грамота, подтверждающая право на владѣніе Озерянами со всѣми прилежащими угодьями, „для вящшаго утвржденія и лутшаго впредѣ владѣнія“, какъ сказано въ текстѣ.

Впослѣдствіи намъ станетъ понятно это рвеніе, съ какимъ В. Танскій добивался полученія грамоты; теперь же мы, не предупреждая событій, отмѣтимъ еще нѣкоторые главнѣйшіе моменты изъ перваго періода жизни его—періода постепеннаго развитія славы, вліянія и могущества.

Поощренный такими милостями со стороны гетмана и самого государя, онъ старался быть полезнымъ царю и отечеству и, можно сказать

съ увѣренностью, не пропускалъ ни одного случая, чтобы не отличиться и не показать себя, какъ храбраго и отважнаго козака. Такая ревность и преданность второму своему отечеству была бы похвальна, если бы за нею не скрывались другія, чисто эгоистическія побужденія. Каждый подвигъ, каждый походъ, даже и незначительный, онъ старался поставить на видъ гетману и напомнить, что всякая заслуга предъ государствомъ должна быть награждаема... Эта черта корыстолюбія характерна не только для Танскаго. Поэтому и заслуги В. Танскаго, какъ бы велики онѣ ни были, не имѣютъ въ нашихъ глазахъ полнаго значенія потому именно, что были слишкомъ щедро вознаграждаемы. Такъ и участіе его въ войнахъ и походахъ, бывшихъ послѣ Шведской кампаніи, не осталось безъ вознагражденія: по жалованной грамотѣ 1722 года (подтвержденной въ 1744 г. Елизаветой Петровной) онъ получилъ огромное мѣстечко Мурафу со всѣми прилегающими селами и угодьями „за понесенныя во время бывшей з портоу отоманскою и короною шведскою вѣрныя службы“.

Съ приобрѣтеніемъ этихъ двухъ огромныхъ владѣній, обезпечившихъ безбѣдное существованіе цѣлаго рода, какъ находящихся въ самой богатой части Малороссіи, В. Танскій замѣтно сталъ пренебрегать своими обязанностями, увлекаясь больше дѣлами хозяйственными, скупая за безцѣнокъ земли, прилегающія къ его имѣніямъ, и даже захватывая чужое, ему не принадлежащее.

Это ясно видно изъ одного документа, относящагося къ 1726 году, въ которомъ говорится, что Василій Т., по указу Е. И. В., подвергается штрафу въ 100 рублей за уклоненіе отъ участія въ Гиланскомъ походѣ (велено... доправить сто рублей денегъ за штрафъ, же ани самъ В. Т. в гиланскій походъ не выйшолъ, а не свойственного своего не выслалъ, якъ вказъ Е. И. В. повелѣвалъ...). Но этого мало; интересно также, что, хотя ему послали указъ для прочтенія, онъ даже „никакой резолюціи не показаль“, словомъ, отнесся къ исполненію своего долга съ полнымъ пренебреженіемъ. Фактъ этотъ въ высшей степени интересенъ потому, что говоритъ въ пользу данной нами характеристики Танскаго, какъ своекорыстнаго дѣятеля.

Тѣмъ не менѣе изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ, а также благодаря различнымъ связямъ, онъ былъ избранъ въ полковники Переяславскаго полка, въ какомъ чинѣ находился до самой ссылки

въ Сибирь. Съ этой поры начинается самый интересный и характерный періодъ его жизни.

Итакъ, В. Танскій сталъ „Его Императорскаго Величества войска Запорожскаго“ полковникомъ Переяславскимъ (1726—8 г.). Но, стоя во главѣ Переяславскаго полка, владѣя богатѣйшими имѣніями, пользуясь всѣми благами, какія только могутъ быть доступны человѣку, достигшему различныхъ почестей, отчасти благодаря личнымъ заслугамъ, а также и счастливому стеченію обстоятельствъ, продолжалъ ли онъ служить общему благу, былъ ли тѣмъ „риднымъ батькомъ“ своего полка и подчиненныхъ, какимъ намъ представляется вообще полковникъ козацкаго войска добраго стараго времени, какъ „батько Палій“ и другіе? Далеко нѣтъ!

Не связанный кровными узами съ козачествомъ, будучи пріемнымъ сыномъ, хотя и баловнемъ Украины, онъ не могъ любить беззавѣтной, отеческой любовью стоявшихъ ниже его козаковъ и людей посполитыхъ: облеченный властью, гордый, надменный и сознающій свою силу и право, онъ угнеталъ своихъ подчиненныхъ, онъ былъ деспотомъ какъ въ своемъ полку, такъ и въ своихъ владѣніяхъ. Это вызывало ропотъ неудовольствія среди народа, не привыкшаго къ такому обращенію. Долго терпѣли козаки, долго молчали подъ тягостной эгидой своего панъ-отца полковника, наконецъ не вытерпѣли: нашлись смѣльчаки въ самомъ Переяславскомъ полку, которые рѣшили вступиться за обидимыхъ и съ этою цѣлью составили челобитье на имя „ясне вельможного его милости пана гетмана“. Въ этомъ слезномъ челобитьи, подписанномъ между прочимъ сотниками Басанскимъ и Яготинскимъ, просители, жалуясь отъ лица всего полка на обиды и разоренія, причиненныя паномъ полковникомъ В. Танскимъ, просили „жебы онъ не былъ одселъ въ полку переяславскомъ полковникомъ!“ Фактъ этотъ изъ ряда выходящій. Нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ ужъ тяжело было козакамъ терпѣть обиды и пригнѣсенія, если они рѣшились на такой смѣлый шагъ. Но они ошиблись; въ ту пору еще сильна была пословица: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Гетманъ предоставилъ ему возможность оправдаться, что съ формальной стороны было сдѣлано безъ особенныхъ затрудненій.

17 Августа 1729 года Василій Танскій издаетъ слѣдующій циркуляръ:

„Вамъ паномъ сотникамъ Воронковскому, Бориспольскому, Березанскому, Басанскому и Яготинскому объявляется: понеже Ясневельможный

Его Милость панъ Гетманъ предложилъ мнѣ, же будто я многимъ въ сотняхъ полку моего починилъ обиды и разоренія, того ради з симъ открытымъ листомъ якъ в протчие сотни полку моего нарочно ординовалемъ, такъ и въ сотни пана михаила вакуловича атамана значкового, посылаючи жадаю, абисте в. м. всякъ з своею атаманею и значнымъ товариствомъ по полученіи сего явились въ полковую канцелярію з обидимыми без всякаго опасенія и боязни для контентованія и награжденія ибо я тимъ себе обовязую, же если кто з обидимыхъ ко мнѣ явится для сатисфакціи, но не готовъ за тое мститися и памятозлобствовать. овшемъ во всемъ задосить чинить. З Переяслава. Августа 17. 1729“.

Мы нисколько не удивимся, узнавъ, что, не смотря на ласковые обѣщанія, расточаемыя паномъ полковникомъ, никто не явился для сатисфакціи, и листъ оказался заполненнымъ подписями атамановъ, сотниковъ и товариства, которые единогласно заявляютъ, что послѣ объявленія и публикаціи предписанія пана полковника обиженныхъ не оказалось.

Сотники же, подписавшіе челобитье, вынуждены были придумать какое-либо оправданіе своихъ поступковъ, что и выполнено ими просто, но довольно неискусно: каждый изъ нихъ пишетъ совершенно одно и то же и въ своихъ объясненіяхъ старается придать всему дѣлу характеръ какого-то печальнаго недоразумѣнія.

„1729 г. Августа 28 дня.

Я, ниже подписанный Сотник Яготинскій з атаманами и товариствомъ сотнѣ моей, симъ моимъ писаніемъ объявляю, ижъ невѣдомо по нѣякому указу назвавши себе Лука Васильевичъ Асауломъ полковымъ переяславскимъ, и Павелъ Черняховскій писарствомъ полковымъ правящимъ, прислали ко мнѣ за руками своими сего 1729 году въ Іюнѣ м-цѣ первыхъ чиселъ указъ, дабы я со всею атаманею и значнымъ товариствомъ пріѣздилъ въ переяславль будто для выбору на упалые мѣся въ кандидаты старшины, а когда я туда пріѣздилъ, они, тое закрывши, объявили по нѣякомусь своему умыслу и злобѣ написанную челобитную на имя Ясне Вельможнаго Его Милости Пана Гетмана, в такой силѣ, жебы за нѣякія обиды починеніе Его Милость п-н. полковникъ нашъ переяславскій Василій Танскій одселъ въ полку Переяславскомъ не былъ полковникомъ и на такой челобитной согласія з единомышленники принудили и устрасали без одлагательства подписатися на чомъ любо я з атаманомъ и товариствомъ

подписалися, однакъ нынѣ мы симъ нашимъ добровольнымъ писаніемъ такого подпису рукъ нашихъ на челобитной во всякомъ судѣ и врадѣ з'рѣкаемся, ибо мы якъ жадныхъ обидъ и разореній отъ Его Пана полковника Танскаго въ сотнѣ нашей не имѣемъ и не имѣли и з его контентни, такъ Его Императорскому Величеству благодарни и просимъ все-нижайше Его Императорскаго Величества дабы за подписанне рукъ нашихъ на помянутой челобитной во всякомъ судѣ и врадѣ не причтено было намъ в вину и в погрѣшеніе, а теперь о такомъ помянутомъ принужденіи и по десяте з'рѣкаемся и подписомъ рукъ нашихъ протестуемся, року и дня выше писаннаго.

Слѣдуютъ подписи: Іосифъ Павловичъ, сотникъ Яготинскій.

Атаманъ Федоръ Крихно, Кирикъ Непый-вода, И. Непорожній“ и др.

Совершенно такія же, въ тѣхъ же выраженіяхъ, безъ малѣйшаго измѣненія доношенія сотниковъ Баришпольскаго и Басанскаго. Очевидно, имъ было продиктовано, что и какъ писать. Поэтому такимъ оправдательнымъ документамъ вѣрить нельзя; они лишь важны для характеристики отношеній полковника къ своимъ подчиненнымъ.

Казалось бы, что послѣ такихъ благопріятныхъ отзывовъ дѣло должно было уладиться, когда вчерашніе челобитчики, загоняемые и обижаемые своимъ деспотомъ-полковникомъ, въ рабскомъ униженіи отказываясь отъ своихъ словъ, даже выражаютъ свою благодарность правительству, поставившему въ главѣ ихъ такого „добраго“ начальника, которымъ веѣ „контентни“. Такова была сила власти у одного и безропотное подчиненіе у другихъ...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Василій Танскій царилъ надъ Переяславскимъ полкомъ, а его супруга Анна, вѣрная помощница и сотрудница въ дѣлахъ мужа, съ неменьшимъ успѣхомъ управляла имѣніями. Тяжело было козакамъ подъ началомъ грознаго полковника, тяжело было и посполитымъ людямъ и окрестнымъ жителямъ отъ притѣсненій пани полковницы; но сто намъ козаковъ былъ скоро положенъ конецъ: въ 1734 году по указу Е. И. В. Императрицы Анны Іоанновны полковникъ Василій Танскій былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, и по справкѣ, сдѣланной изъ Секретной канцеляріи, въ 1735 году находился въ небольшомъ городѣ Илимскѣ, Крицкой провинціи (возлѣ Тобольска). О причинѣ ареста и ссылки можно лишь догадываться. Въ дневникѣ Ханенка есть между

прочимъ краткое упоминаніе объ арестѣ Танскаго и перевозѣ въ Москву, а также, что „слѣдствіе о обидахъ полку Переяславскаго“ поручено капитану Преображ. полка Петру Воейкову. Въ 1735 г. онъ былъ наказанъ публично и сосланъ въ Сибирскіе города (См. у Ханенка, стр. 20).

Такъ все, и гордость, и сила, и власть—все было сломлено, все пошло прахомъ! Холодныя Сибирскія вьюги должны были остудить не въ мѣру горячее сердце. Этотъ ударъ былъ самымъ сильнымъ и роковымъ, но не единственнымъ: надъ фамиліей Танскихъ, долгое время согрѣваемой благотворными лучами солнца, собрались черныя тучи, и разразилась гроза, страшная и продолжительная. Еще не успѣвали затихнуть раскаты одного удара, какъ новый съ тою же силою разражался надъ нею, беспощадно разбивая счастье и спокойствіе, казавшееся столь прочнымъ.

Одинъ за другимъ стали раздаваться голоса обиженныхъ и разоренныхъ деспотичнымъ произволомъ пана полковника, взывая о помощи и защитѣ. Среди многочисленныхъ дѣлъ отмѣтимъ интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло Модельницкаго, относящееся въ 1735 году. Это одинъ изъ несчастныхъ, разорившійся и впавшій въ крайнюю бѣдность за вѣрную службу своему принципалу. Увлеченный общаніями пана полковника, онъ долго служилъ ему вѣрою и правдою, какъ самый преданный слуга: участвовалъ вмѣсто Танскаго въ походахъ (Смоленскомъ и Низовомъ), разѣзжалъ по дѣламъ его по различнымъ городамъ, и даже перенесъ изъ-за Танскаго трехлѣтнюю неволю въ Москвѣ... А самъ полковникъ манилъ его общаніями: онъ говорилъ, что наградить его за всѣ дѣла, какъ своего „сына власнаго“, „чѣмъ бы онъ былъ доволенъ по жизнь свою“, выдѣливъ ему часть изъ своего богатаго имѣнія. Но между словомъ и дѣломъ, очевидно, была непроходимая пропасть. Ревниво охраняя свои личные интересы, когда дѣло касалось полученія какой-либо награды за подвиги,—что мы видѣли раньше,—онъ совершенно не имѣлъ въ виду придерживаться того же принципа по отношенію къ своимъ подвластнымъ, и ихъ вѣрная и тяжелая служба оставалась безъ должнаго вознагражденія.

Но этого мало; Модельницкій жалуется, что самъ полковникъ „не только того ничего не исполнилъ, и еще къ тому собственныхъ его (Модельницкаго) пожитковъ много позабиралъ“ (приводится списокъ этихъ пожитковъ), чѣмъ привелъ его въ нищету и разореніе. Вотъ одно изъ такихъ печальныхъ дѣлъ, всплывшихъ немедленно послѣ ссылки, которая, очевидно, развязала языки многимъ страдальцамъ. Замѣтимъ кстати, что дѣло это тяну-

лось по тогдашнимъ порядкамъ очень долго и окончилось въ 1742 году въ пользу Модельническаго, которому между прочимъ присуждено за имущество, взятое В. Танскимъ, 200 рублей серебромъ, что по тому времени для человѣка небогатаго составляло капиталъ.

Мы сказали раньше, что дѣлами по управленію имѣніями завѣдывала преимущественно пани полковница Анна (или Ганнуся) Танская.

Это тоже интересный типъ энергичной, дѣловитой женщины, которой пришлось выносить на своихъ плечахъ всѣ несчастія, падавшія на нее послѣ ссылки мужа; тѣмъ не менѣе она не измѣнила своей системы и такъ же энергично отстаивала свои интересы безъ мужа, какъ и при немъ. Какъ и раньше, она безучастно относилась къ народу, не позволяла выгонять скотъ на пастбище или высылала въ поле цѣлую команду „волоховъ и другого званія людей“, которые съ дубьемъ и ружьями прогоняли работавшихъ крестьянъ съ ихъ дѣдовскихъ земель, якобы принадлежавшихъ нынѣ Танскимъ... Дѣйствительно, трудно было въ то время разобраться въ вопросѣ, кому принадлежала та или иная земля, но не къ лицу было пани полковницѣ орошать кровью поля, воздѣлываемыя рукою пахаря и политыя его потомъ, а часто и слезами... А между тѣмъ, изъ дѣлъ видно, что въ этихъ схваткахъ вооруженныхъ волоховъ съ крестьянами, изъ послѣднихъ нѣкоторые бывали убиты... Караулы, разставленные на границахъ полей и въ степи „по разнымъ могиламъ“, сообщали мирнымъ полямъ какой-то чуждый характеръ и внушали страхъ и трепетъ среди крестьянъ...

Это безпримѣрное по своей безчеловѣчности отношеніе къ народу можетъ быть объяснено тѣмъ же нерусскимъ происхожденіемъ самихъ владѣльцевъ, которые видѣли въ простомъ крестьянинѣ и козакѣ не „родного меньшаго брата“, а холопа, было... И здѣсь рано или поздно должна была совершиться катастрофа.

Но теперь мы подходимъ къ интересному событію, имѣвшему для всей семьи послѣ ссылки Танскаго самое важное значеніе.

Уже давно происходили недоразумѣнія между Анной Танской и сосѣдомъ ея Забѣлой изъ-за земли, доходившія до того, что этотъ послѣдній вынужденъ былъ подавать прошеніе въ войсковую канцелярію, прося защиты и указывая на тѣ опасности, какимъ онъ подвергается со стороны прислужниковъ Анны Танской, которые чуть его не убили на его же собственномъ полѣ. Наконецъ въ 1741 году было подано челобитье на Вы-

сочайшее имя, сущность которого въ высшей степени интересна. Не приводя челобитной цѣликомъ, остановимся лишь на главныхъ ея пунктахъ. Дѣло идетъ объ Озерянахъ,—томъ самомъ имѣніи, которое получено В. Танскимъ, какъ награда за военныя доблести въ Шведскую кампанію; оказывается, что, добиваясь этого помѣстья и прося о немъ у гетмана, онъ умышленно скрылъ, что оно по-праву должно принадлежать другимъ, именно Забѣлѣ. Вотъ какъ объясняется это въ челобити: сотникъ Переяславскаго полка Карпъ Юсковичъ былъ пожалованъ двумя селами: Щасновкой и Озерянами, со всѣми прилегающими къ нимъ угодьями, въ подтвержденіе чего дана была жалованная грамота 1690 года... По этой грамотѣ пожалованныя села должны были находиться въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи. Послѣ Карпа Юсковича владѣніе перешло къ его дочери Маріи, вышедшей замужъ за Василя Забѣлу; отъ него перешло къ сыну Михаилу Забѣлѣ, а отъ послѣдняго должно было перейти по праву наслѣдства челобитчику, Захарію Михайловичу Забѣлѣ. Но вышло иначе: еще при жизни прабабки истца, Анны Карпихи, и дѣда, Василя Забѣлы, полковникъ Танскій „донесъ покойному Гетману Скоропадскому, что якобы въ помянутой пробабы, на показанныя села Щасновку и Озеряне наслѣдниковъ никакихъ не имѣется“ (минуя такимъ образомъ дѣда истца, Василя Забѣлу), и на этомъ основаніи просилъ у гетмана село Озеряне. Гетманъ, не справившись о томъ, насколько справедливо было заявленіе Танскаго, далъ ему универсалъ, о которомъ мы уже упоминали; затѣмъ Танскій, какъ мы видѣли, ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ и получаетъ жалованную грамоту на село Озеряне, и Анна Карпиха съ наслѣдниками осталась въ сторонѣ... Вѣдная вдова со своимъ юнымъ зятемъ, ставъ жертвой такой несправедливости и грубаго произвола, тѣмъ не менѣе не могла искать себѣ нигдѣ управы. Причина ясна; о ней говорится въ челобити подъ п. п. 11 и 12. „Что же мой помянутый дѣдъ Василь Забѣла не билъ за то челомъ, то едно за тѣмъ, что опасовался гетмана, не прогнѣвалъ бы его, ибо Гетманъ ему Танскому оное село Озеряне подаль, то нѣвкого было і просить, и другое, что въ скорости по тому умре; а отецъ мой Михайло Забѣла за тѣмъ не просилъ, первѣе, что въ тѣ поры младолѣтній былъ, второе какъ прійшолъ до совершенного возраста, то помянутый Василій Танскій полковникомъ переяславскимъ пожалованъ, а отецъ мой Басанскимъ сотникомъ, и уже ему было тяжело на своего командѣра полковника просить; къ тому же отецъ мой умре, а его полковника Танскаго за его преступленіе взято“.

И вотъ только теперь представилась возможность внуку вступить за права своихъ предковъ и требовать возвращенія своихъ владѣній. Дѣло это по своей сложности тянулось очень долгое время и наконецъ рѣшено было въ пользу истца. Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ Анна Танская прибѣгала ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы отстоять село Озеряне; даже полковникъ Кіевскій Антоній Танскій обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобы дѣло рѣшилось въ пользу его братовой—но правда восторжествовала! Для того времени этотъ фактъ знаменателенъ.

Итакъ, семья, лишенная уже своего кормильца-полковника, лишилась также и лучшаго изъ помѣстій, представлявшаго средства къ жизни. Но уже, кажется, слишкомъ беспощадно судьба отнимала все то, что раньше такъ щедро дарила: отъ счастья, семейнаго благополучія и прежняго богатства и величія не осталось и слѣда. Въ такую минуту опять засіяло солнце, проливая радость на измученную подъ роковыми ударами семью: въ 1741 году 14-го декабря послѣдовалъ высочайшій указъ о прощеніи вины Василя Танскаго и о возвращеніи его изъ Сибири... Указъ этотъ былъ посланъ чрезъ „ординарную почту“ и 25 января 1742 года полученъ въ Tobольскѣ, гдѣ засталъ несчастнаго ссыльнаго, потерявшаго надежду на скорое возвращеніе... Это была первая радостная вѣсть, послѣ столькихъ горестей и печалей.

А между тѣмъ дома къ пріѣзду мужа и отца готовился сюрпризъ: любимая дочь Ганнуса, оставленная отцомъ еще ребенкомъ, стала уже дѣвухой-невѣстой. Молодой козакъ, хорошаго козацкаго роду-племени, хотя и не особенно богатый, полюбилъ юную Ганнусю всею душою, всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ.. А въ характерѣ Ганнуси было многое, что напоминало и мать и отца: и гордость, и своеволие, и презрительное отношеніе къ низшимъ. Всего этого не замѣчалъ молодой козакъ Семенъ Семеновичъ Лизогубъ. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ того часа, когда назоветъ Ганнусю своею женою; остановка была за согласіемъ отца, который прямо изъ Сибири долженъ былъ по дѣламъ отправиться въ Петербургъ. Вѣроятно, еще находясь въ Сибири, В. Танскій получалъ свѣдѣнія о томъ, что за его дочку сватается Лизогубъ, что видно изъ коротенькихъ писемъ, адресованныхъ на имя дочери. Въ одномъ изъ нихъ отецъ совѣтуетъ дочери хорошенько обдумать свой шагъ и идти замужъ по влеченію сердца, а не по принужденію.

Это коротенькое письмо настолько характерно, что мы приведемъ его цѣликомъ: „Гануся доню! По Лизогубенку, если ровня тобѣ и чи есть по желанью твоему, добре разсуди и усмотри умомъ, можетъ ли тоби на цѣлый вѣкъ и честно и небѣдно. И о семъ до мене напиши щире не соромся. А слышалъ я що тебе силою сватали. Татко твой В. Т.“

Въ другомъ письмѣ отецъ высказываетъ свое неудовольствіе по поводу того, что мать поспѣшила дать свое согласіе, не дождавшись пріѣзда отца... ¹⁾ Тѣмъ не менѣе въ іюлѣ 1742 года Семень Лизогубъ и Ганнуса Танская уже были повѣнчаны. Это произошло сейчасъ же по возвращеніи В. Танскаго изъ ссылки.

Несчастія сломили гордую и непреклонную натуру бывшего пана полковника... Онъ ослабѣлъ и тѣломъ и духомъ; его письма написаны дрожащей рукою, такъ что иногда бываетъ трудно ихъ разобрать. Теперь онъ заботился лишь о счастіи своей любимой дочери въ новой жизни съ Семеномъ Лизогубомъ. Этотъ бракъ, происшедшій безъ его согласія, былъ Танскому не особенно пріятенъ; тѣмъ не менѣе послѣдній старался улаживать недоразумѣнія, происходившія въ новой семьѣ изъ-за несходства характеровъ. Мы уже говорили, что въ характерѣ Ганнуси Танской были нѣкоторыя несимпатичныя черты; Семень же Лизогубъ былъ человѣкъ нрава кроткаго, тихаго, умный, образованный и въ высшей степени религіозный.

Знаніе Священнаго Писанія, которое замѣтно во всѣхъ его письмахъ, наполненныхъ текстами изъ св. книгъ и проникнутыхъ духомъ христіанской терпимости и доброты, заставляетъ предполагать, что онъ получилъ, быть можетъ, даже высшее духовное образованіе.

Всѣ эти положительные качества способствовали тому, что первое время ихъ семейная жизнь шла мирно, безъ особенныхъ непріятностей; мало-по-малу и старый Танскій сталъ присматриваться къ зятю и цѣнить его добрыя качества, а главное, его дѣловитость... Это стало замѣтно послѣ цѣлаго ряда порученій по старымъ земельнымъ дѣламъ, которыя С. Лизогубъ исполнялъ тщательно и добросовѣстно.

Послѣ того какъ Озеряне перешли во владѣніе г. Забѣлы, дѣла Танскихъ, и безъ того пошатнувшіяся, стали теперь совсѣмъ плохи, и когда старый полковникъ возвратился изъ Сибири, онъ увидѣлъ, до какой бѣд-

¹⁾ „Що не опишешъ мнѣ що писалъ до тебе про лизогуба, если поноравися тоби. Матерь твоя безчестіе учинила що передомъ, безъ отца даруетъ“.

ности дошло его семейство. Здѣсь то на помощь выступилъ С. Лизогубъ; онъ писалъ вліятельнымъ лицамъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что старику, нѣкогда служившему вѣрою и правдою Русской землѣ, теперь негдѣ преклонить своей сѣдой головы, и просилъ похлопотать о награжденіи его, взаменъ отнятыхъ угодій и земель, какимъ-нибудь новымъ помѣстьемъ. Его просьба была уважена, и Танскому пожаловали „другую, равномѣрную посполитыми дворами и хатами и дворовыми пляцами и всякими угодіи маетность безобидно Переяславскаго полку мѣстечко Яготинъ, въ деревни Рѣшоткахъ пустыхъ пляцовъ, да село Калаберду со всѣми принадлежащими къ тѣмъ дворамъ угодіи“.

Это было большое утѣшеніе для всей семьи, и всѣмъ этимъ она была обязана Семену Лизогубу.

Тихо доживалъ свой вѣкъ бывшій полковникъ, помышляя о вѣчной жизни, о возмездіи за грѣхи людскіе и стараясь внушить другимъ идею о справедливости Божіей—истину, въ которой онъ убѣдился на себѣ самомъ... Слыша о томъ, что его любезная дочь, вмѣстѣ со своею матерью, стали жить неладно съ мужемъ и зятемъ, онъ пишетъ свсей Ганнусѣ: „Надежда была совѣмъ, что дома твоимъ смотрѣніемъ все хорошо будетъ, а мнѣ на милость Божию надѣясь быть не оставленнымъ изъ дѣтьми яко прежде, такъ и теперь... Живѣте любо, що есть, то все Божье да ваше, и печали дабы мнѣ впредь не было, чего насъ Господь избавь. Цѣлуешь отецъ мать чада. Твой вѣчно В. Т.“ (Глуховъ, 1746 г.).

Но иногда семейныя недоразумѣнія доходили до того, что отецъ долженъ былъ совѣтовать дочери оставить мужа и пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ матерью, что бывало нѣсколько разъ. Кромѣ этихъ непріятностей, близкихъ сердцу стараго Танскаго, еще одно обстоятельство въ значительной степени огорчило его послѣдніе годы, это именно непріятный процессъ со своимъ племянникомъ, сыномъ Антонія Танскаго, Іосифомъ, который путемъ подлога хотѣлъ овладѣть имѣніемъ своего дяди, Мурафою...

Мы не будемъ останавливаться на обстоятельствахъ этого дѣла; для насъ важно въ особенности одно мѣсто изъ письма къ Іосифу Танскому, которое риеуетъ намъ состояніе духа стараго полковника. Упрекая племянника въ подлогѣ, онъ совѣтуетъ ему обратиться къ голосу своей собственной совѣсти, если она еще не заглохла совершенно, и сдѣлать такъ, какъ она ему подскажетъ. Испытавъ на себѣ силу Божественнаго правосудія, онъ напоминаетъ о немъ племяннику: „Ибо есть еще и судъ Божій, грозящій на хищниковъ чуждаго имѣнія, въ чемъ я съ тобою,

если не удовлетворишь сего справедливаго моего требованія, предъ нимъ, нелицемѣрнымъ судіею, въ день страшнаго испытанія его, судиться по моей истинной справедливости не постыжусь!“—Это уже послѣднее, къ чему обратился старикъ, напоминая племяннику о Божьей премудрости, милующей правыхъ и карающей преступниковъ. И заключительныя слова такъ же характерны: „какъ ты не устыдишься и въ законномъ наслѣдїи ихъ (т. е. дочь его и зятя) не успокоишь, чтобъ по зависти чуждаго и собственнаго своего всего имѣнья не лишился, буди опасенъ въ чуждомъ имѣнїи: судїя справедливый Богъ за неправду. Азъ твоего еще ища въ останнїи исправленїа остаюсь твой дядько Василь Танскій...“

Такъ говорилъ человѣкъ, который въ свое время не всегда разбиралъ, что принадлежитъ ему по праву и что нѣтъ, человѣкъ, который пострадалъ за свою неправду и изъ всей своей многотрудной жизни вынесъ одно: все суета, и надъ всѣми нами царить Божественная справедливость..

Убѣленный сѣдинами, измученный страданїями и находясь уже у края могилы, онъ исполняетъ послѣднїй долгъ и составляетъ духовное завѣщанїе, въ которомъ распредѣляетъ по своей доброй волѣ все свое имущество. Семену Лизогубу съ женою досталось большое мѣстечко Мурафа, съ прилегающими угодьями и нѣсколько мелкихъ хуторовъ, въ томъ числѣ и Купчинъ на Голтвѣ (полученный, впрочемъ, еще раньше, въ качествѣ приданаго). Этотъ хуторокъ, переименованный впослѣдствїи въ Яновщину и Васильевку—родина нашего великаго поэта, Николая Васильевича Гоголя...

Но, распредѣливъ свое имущество, старый полковникъ выговариваетъ себѣ слѣдующее: „опять же дочь моя Анна зъ мужемъ своимъ паномъ Семеномъ Лизогубомъ и наслѣдники ихъ, пока еще в живыхъ нахожусь, повинни мене по рангу моему полковничому во всѣмъ снабдѣвать, а ни в чемъ воли моей не нарушать; по смерти же моей тѣло мое по обычаю христіанскому погребти и за душу мою в законеннїи панахиды и сорокоусты одправить и нищимъ и убогимъ по милостынѣ давать повинни. Яготинъ 1758 г. 10 апр...“

А въ 1763 году, января 20 дня, Василій Танскій умеръ *). Предполагая, что въ Шведскую войну онъ былъ уже взрослымъ воиномъ, не ме-

*) Это, равно какъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнїя о В. Танскомъ, отчасти не согласныя съ тѣми, которыя извѣстны намъ до настоящаго времени, основаны на точныхъ документальныхъ данныхъ, которыя будутъ своевременно опубликованы.

нѣе лѣтъ 25, мы можемъ заключить, что онъ дожилъ до глубокой старости и скончался лѣтъ около 85 отъ роду. Можетъ быть, мы слишкомъ долго остановились на личности Василя Танскаго, но жизнь его по разнообразію ситуаций настолько интересна, что не хотѣлось упускать изъ виду того или иного факта, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ играетъ большую роль въ общей оцѣнкѣ интересующей насъ личности.

Разставаясь теперь съ Василюмъ Танскимъ, скажемъ о немъ наше послѣднее слово. Если бы мы избрали его героемъ трагедіи, то къ какой категоріи героевъ мы бы причислили его: положительныхъ или отрицательныхъ? Вотъ вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить. Когда передъ нашимъ воображеніемъ проходитъ какая-либо личность, она своими нѣкоторыми характерными особенностями можетъ напомнить намъ что-то знакомое, давно извѣстное... Личность Танскаго вообще трагическая: въ его жизни было столько борьбы, столько призрачнаго торжества порока, неправды и столько страданій! Отважный и самолюбивый, онъ еще въ юные годы достигаетъ славы и почестей; на высотѣ славы онъ проявляетъ цѣлый рядъ жестокостей и несправедливостей: его непреклонная воля совершаетъ свое дѣло, не внимая слезамъ и стонамъ притѣсненныхъ и обиженныхъ... Но здѣсь правосудіе совершаетъ свой приговоръ: вчерашній владыка заброшенъ въ далекую Сибирь и сталъ нищимъ въ то время, какъ семья терпитъ наказаніе за преступленіе отца... Чувство справедливости удовлетворено, и при послѣднихъ грозныхъ ударахъ судьбы, мы просимъ солнца. Наконецъ оно засіяло... Дряхлымъ страдальцемъ возвратился Танскій изъ ссылки и вызываетъ въ насъ сочувствіе: такова очистительная сила человѣческихъ страданій. Не таковы ли герои Шекспира, и въ особенности Лиръ?—Сперва гордый и надменный, послѣ ночи, проведенной въ бурю въ степи, послѣ цѣлаго ряда ударовъ, нанесенныхъ его самолюбію, онъ очищается въ нашихъ глазахъ, благодаря своимъ страданьямъ, способнымъ вызвать слезы въ самыхъ черствыхъ сердцахъ. Такъ и Василій Танскій уже вызываетъ наши симпатіи по возвращеніи изъ ссылки, и его слова о Правосудіи и о Возмездіи, какъ исходящія изъ глубины души, остаются въ нашей памяти; а самъ онъ, умирая и исполнивъ долгъ христіанина и гражданина, примиряется съ Богомъ, міромъ и нами.

Совершенно иного характера былъ Семень Семеновичъ Лизогубъ, къ которому мы теперь переходимъ. Происходя изъ стариннаго козацкаго рода, прославленнаго храбростью и отвагой, и связанный узами родства съ

видными представителями козацкой старшины, съ одной стороны съ гетманомъ Скоропадскимъ, а съ другой стороны съ Павломъ Полуботкомъ, тѣмъ самымъ, который, по народной легендѣ, въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ держалъ свой грозный отвѣтъ царю Петру, напоминая ему о страшномъ судѣ предъ лицомъ Всемогущаго Бога (этотъ сюжетъ вдохновилъ художника Волкова, написавшаго картину „Петръ I и Полуботокъ“),—онъ самъ отличался положительными качествами человѣка вообще, а не только война.

Намъ мало извѣстна его служебная дѣятельность; знаемъ только, что онъ былъ значнымъ бунчуковымъ товарищемъ, но выше не пошелъ, вѣроятно потому, что и не добивался; но его семейная жизнь намъ извѣстна хорошо. Женившись на Ганнусѣ Танской, онъ весь углубился въ дѣла по имѣніямъ, которыя еще и послѣ смерти Вас. Танскаго оставались въ запутанномъ положеніи. Цѣлыя десятилѣтія проведены были въ судебныхъ проволочкахъ, искахъ, челобитьяхъ и т. п., а тутъ еще и семейная жизнь представляла много огорченій. Характеръ его жены съ лѣтами становился все болѣе и болѣе тягостнымъ, при которомъ супругамъ жить вмѣстѣ стало невозможно. Оставивъ всю семью въ Буровкѣ (въ своемъ родовомъ помѣстьи), онъ поселился отдѣльно, но и тамъ его не оставляла сварливая жена, распространяя о немъ самые недѣльные слухи и стараясь вооружить противъ него всю семью, а въ особенности единственную дочь—Татьяну. (Тетянку). Отвѣчая на всѣ козни жены благочестивыми письмами, онъ старался убѣдить ее въ безнравственности и грѣховности ея поступковъ по отношенію къ нему, ссылаясь во всемъ на слово Божіе.

„Жено, убойся создателя своего!... ты все горше грѣшишь, что злобствуешь на мене по всякъ часъ и яришься гнѣвомъ, якъ въ мысляхъ, такъ и въ сердцѣ, наруговуешься въ словахъ всегда съ безсовѣстною клеветницею шинкаркою“... Упрекая ее въ напрасномъ злобствованіи, онъ говоритъ о страшномъ наказаніи, ниспосылаемомъ Богомъ на памятозлобствующихъ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ въ Черниговѣ, во время торжественнаго перенесенія образа Богоматери, одну женщину „въ сукъ скорчило“ такъ, что она „по землѣ качаючись просила помилованія Божьяго, а Архіерей, идучи зъ церкви, самъ ей пыталъ, что ты думала или яковъ твой грѣхъ, то при всѣхъ объявила, что на своего сына гнѣваю-

чись, просила отомщенія, и заразъ де мене въ сукъ скорчило!“ Приводя такой случай, онъ думалъ повліять на свою жену, распускавшую слухи о томъ, будто онъ ее ограбилъ и завладѣлъ всѣмъ имуществомъ, полученнымъ въ наслѣдство отъ отца. Но это была неправда. Семень Лизогубъ былъ настолько честенъ, что не позволялъ себѣ распоряжаться средствами жены. Всѣ же свои деньги, кромѣ самыхъ необходимыхъ, онъ употреблялъ на дѣла благотворительности. Много писемъ сохранилось отъ разныхъ священниковъ, игуменовъ, въ которыхъ высказывается благодарность или просьба. Даже лица, совершенно постороннія, обращались къ нему зачастую съ просьбами и никогда не получали отказа. Интересно слезное прошеніе одного ученика школы риторики о вспоможеніи.

„Высокоусердному и высокопочтенному господину Бунчуковому Товарищу Семену Семеновичу Лизогубу. Нижайшее прошеніе.

„Обучаясь я, низайшій во училищахъ, и не имѣвъ откуда і малѣйшаго спомоществованія во ученіѣ моемъ, убѣжденъ былъ сего 1755 года зучилищъ взять пашепортъ въ малороссійскіе и слободскіе полки ради испрошенія милостыни, въ которомъ времени только вышолъ изъ училищъ, чрезъ цѣло поллѣтное и есеннее время болѣзновалъ и въ оскудніе пришолъ до послѣднихъ рублищъ. нынѣ жъ, слѣдуя во училища окончанія ради ученія, не вѣдая, гдѣ бы себѣ могль нужды моей получить отраду, услыхалъ я, низайшій, что ваше высокородіе милостивое отеческое призрѣніе ко всѣмъ бѣднымъ являете, упавъ до стопъ, всемирно прошу вашего высокородія пожаловать мене низайшаго зъ одѣянія, именно коужомъ, за которую полученную милость въ вѣкъ жизни моей Бога преблагого молить не престану.

Низайшій слуга Иванъ Смоленскій, ученикъ школы риторики“.

Вотъ интересная страничка изъ жизни какого-нибудь Хомя Врута или Тиверія Горобця... Не останавливаясь на множествѣ прошеній подобнаго рода, отмѣтимъ лишь одинъ коротенькій письменный документъ, рисующій Семена Лизогуба со стороны нравственного склада. „1741 г. Іюля 9 числа: Я ниже именованный даю сію мою росписку въ такой силѣ, его вельможности владѣльцу моему Г-ну Симеону Симеоновичу П-ну Лизогубу, что намѣренъ быть завсегда трезвену, облекгуюсь (обязываюсь) не пить горѣлки до смерти живота своего подъ клятвеннымъ предъ богомъ обѣщаніемъ и предъ господиномъ своимъ владѣльцею; А когда же, я стефанъ Юркевичъ, не утер-

плю, да посягну впредь отъ вышепрописанного года и мѣсяца и числа пьянствовать, то покладаю на себѣ штрафъ и наказаніе, какъ господинъ мой похощетъ надо мною сотворить, что ради лучшаго вѣроятія и дальшой памяти своеручно святымъ крестомъ подписался †“.

Кажется, что этими характерными штрихами совершенно опредѣлился нравственный складъ Семена Лизогуба, съ его безконечною добротою, христіанскимъ братолюбіемъ и терпимостью. Не приводя здѣсь его писемъ, замѣтимъ, что они проникнуты религіозно-мистическимъ настроеніемъ и, если отбросить нѣкоторыя архаическія выраженія, могутъ напомнить намъ письма Н. В. Гоголя, въ послѣдній періодъ его жизни: та-же проповѣдь любви къ ближнему, та-же покорность волѣ Божіей и ожиданіе наказанія за грѣхи...

Важно будетъ здѣсь отмѣтить, что это религіознее настроеніе, перешедшее отъ отца къ дочери, Татьянѣ Семеновнѣ, жившей въ глубокой старости въ домѣ Гоголей, тамъ, въ семьѣ нашего поэта, получило свое дальнѣйшее развитіе. Такимъ образомъ, религіозность, выпадающая иногда въ мистицизмъ, есть одна изъ фамиліальныхъ чертъ Гоголей и ведетъ свое начало изъ рода Лизогубовъ.

Забываясь о благѣ ближняго, Семенъ Семеновичъ Лизогубъ не могъ пренебрегать своими обязанностями, какъ отца. Ему безконечно тяжело было то обстоятельство, что дочь его Татьяна находилась подъ гнетомъ матери, и онъ старался постоянно утѣшить ее: „не печался доню, да молись Богу и потерпи еще маленько, Богъ тебя не оставитъ за терпѣнье твое и страданье“... А страданья дочери были по преимуществу сердечныя: мать не позволила ей выйти замужъ за войта кіевского, и это повергло Татьяну Лизогубовну въ страшную скорбь и печаль. Отецъ съ особенной нѣжностью и осторожностью касался этого сердечнаго горя дочери и самъ старался подыскать хорошаго человѣка себѣ въ зятя... Но искать долго не пришлось: уже давно къ ихъ семьѣ близко стоялъ молодой канцеляристъ, Аванасій Демьяновичъ Гоголь-Яновскій; по преданію, онъ обучалъ Татьяну Семеновну и ея братьевъ наукамъ, въ которыхъ былъ самъ большой искусникъ, какъ окончившій курсъ Кіевской академіи; кромѣ того, онъ мастеръ былъ составлять дѣльно и толково различные исковыя прошенія, изъ которыхъ два относятся уже къ 1768 году и подписаны А. Д. Гоголь-Яновскимъ.

Можетъ быть, никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что ихъ домашній учитель, войсковой канцеляристъ, человѣкъ небогатый, притомъ происходившій изъ духовнаго званія, вдругъ станетъ мужемъ и зятемъ въ богатой и родовой семьѣ Лизогубовъ; тѣмъ не менѣе, около 1768—9 года Татьяна Семеновна Лизогубовна стала женою Аванасія Демьяновича Гоголь-Яновскаго... Подробностей этого событія мы не знаемъ; слабые намеки есть въ письмахъ С. Лизогуба, когда онъ отдаетъ приказъ пойти къ рыболовамъ на Днѣпръ, да раздобыть большихъ осетровъ и другой хорошей рыбы, а также настрѣлять дичи, гусей, лебедей... Ужъ не къ свадебной-ли пирушкѣ готовился старый козакъ?

Но здѣсь на сцену выступаетъ легенда, переходящая въ родѣ Гоголей отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Молодой богословъ, отдавшій предпочтеніе службѣ въ полковой канцеляріи передъ рясой и клобукомъ, случайно изъ Глухова попалъ въ домъ значнаго бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Занимаясь обученіемъ дѣтей своего новаго господина, онъ полюбилъ единственную его дочь Татьяну и пользовался взаимностью. Не надѣясь получить согласія отъ именитыхъ родителей, а въ особенности отъ гордой матери Анны Тансковны, которая отказывала многимъ и поважнѣе его, онъ, заручившись согласіемъ Татьяны, бѣжалъ ночью вмѣстѣ съ нею, успѣвшей захватить нѣкоторыя драгоценности, жемчужныя ожерелья, золотыя кольца и т. п. Темною ночью пришлось имъ бѣжать черезъ старый, густой, непроходимый лѣсъ, какихъ тогда было много въ Малороссіи... И безъ того страшно, а тутъ, какъ на горе, наскочили разбойники и ограбили все ихъ имущество, отпустивъ лишь души на покаяніе... Испуганные, ограбленные, пристыженные, воротились они къ отцу—матери съ повинной, кинулись имъ въ ноги и просили прощенія. Простилъ ихъ отецъ, за нимъ простила и мать, да и порѣшили поскорѣе сыграть свадьбу... Тамъ-то было пированье! и гуси, и лебеди, и осетры Днѣпровскіе, и меды старые, а можетъ быть и вина заморскія...

По другому варіанту, записанному сестрою поэта, они все-таки повѣнчались внѣ родительскаго дома и долгое время жили въ нуждѣ, пока не получили прощенія родителей.

Но почему же въ повѣсти Гоголя Аванасій Ивановичъ не любилъ вспоминать, какъ онъ похитилъ свою Пульхерію Ивановну? Или, быть можетъ, не къ лицу старику рассказывать молодымъ о безразсудствѣ юности?

Такъ или иначе, но жизнь ихъ шла затѣмъ въ тихой гармоніи, не нарушаемая ни ревностью, ни семейнымъ разладомъ. Такъ о ней говорить преданіе, такую изобразилъ ее ихъ гениальный внукъ въ трогательной идилліи, начавшейся веселымъ allegro и законченной грустнымъ аккордомъ похороннаго перезвона!

Вспомнимъ трогательную картину похоронъ жены Аѳанасія Ивановича. „Гробъ опустили. Священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ, работники привялились за заступы, и земля уже покрыла и сгладила землю. Въ то время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его названіе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: „Такъ вотъ это вы уже погребли ее? зачѣмъ?!“ Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи“. Но въ дѣйствительности—дѣдушка скончался раньше бабушки. Очень можетъ быть, что нашъ поэтъ самъ былъ на описанныхъ имъ похоронахъ, и въ слезахъ Аѳ. Ив. можно видѣть слезы самого поэта, который любилъ свою бабушку, Татьяну Семеновну.

Для характеристики того, насколько вѣрно изображена въ главнѣйшихъ чертахъ идиллическая жизнь этихъ старичковъ, можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ выхода въ свѣтъ повѣсти, сосѣди Гоголя по имѣнію, узнавшіе въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ знакомые имъ оригиналы, были возмущены противъ поэта и даже избѣгали его. „Богъ съ нимъ, не хочу къ нему выходить“, говорила какая-нибудь сосѣдка помѣщица: „щобъ ище и мене вписавъ, якъ своихъ ридныхъ дѣдушку и бабушку“, забывая, что художнику не нужны безцвѣтныя, безхарактерныя личности.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Никоша (какъ называли поэта въ дѣтствѣ) былъ любимымъ внукомъ своей бабушки, что видно между прочимъ изъ духовнаго завѣщанія, по которому большую часть недвижимости: домъ, садъ и лѣсокъ Яворивщину, Татьяна Семеновна отписала именно нашему поэту, но онъ отказался отъ этой части въ пользу своихъ сестеръ *).

Итакъ, мы уже приблизились къ обстановкѣ, которая окружала дѣтство поэта, которая вліяла на складъ его мыслей, которая, какъ мы ви-

*) Это завѣщаніе напечатано въ числѣ другихъ документовъ въ отдѣлѣ матеріаловъ.

димъ, представляла богатый источникъ для творчества Гоголя. Но прежде мы считаемъ умѣстнымъ подѣлиться нѣкоторыми новыми данными, относящимися къ дѣдушкѣ и бабушкѣ поэта, сохранившимися въ преданіи, или записанными въ мемуарахъ и официальныхъ документахъ.

Изъ послужного списка Аѳанасія Ивановича видно, что онъ родился въ 1738 году, а уже въ 1757 году вступилъ на службу, сперва въ полковую Миргородской, а въ слѣдующемъ-же году въ войсковой канцеляріи; за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей былъ представленъ въ полковые хорунжіе, но резолюціи на это представленіе не послѣдовало.

Въ этой должности онъ исполнялъ по преимуществу такія порученія, въ которыхъ нуженъ былъ человекъ честный и образованный: то въ счетныхъ комиссіяхъ, то въ наблюденіи за исправленіемъ мостовъ и гатей, а особливо въ сочиненіи плановъ казенныхъ строеній въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Все это онъ исправлялъ „добропорядочно съ раченіемъ и надлежащимъ успѣхомъ и за такую долговременную безпорочную службу удостоивается награжденія чиномъ бунчуковаго товарища 1781 г. авг. 7 дня“. Тамъ же, противъ графы: „грамотѣ читать и писать по російской умѣть-ли и другія какія науки знаетъ-ли?“ сказано: „грамотѣ читать и писать по русски, по латыни, польскій, нѣмецкій и греческій умѣть“. Владѣя пятью языками, онъ былъ полезенъ въ войсковой канцеляріи, которой приходилось вести дѣла, требующія знанія языковъ и другихъ наукъ, какъ геометріи, черченія и т. п. Вслѣдствіе этого вся его служебная дѣятельность прошла въ занятіяхъ, требующихъ приложенія ума и знаній, а не силы; такъ что ему ни разу не приходилось обнажать оружія противъ непріятеля; это, можетъ быть, способствовало выработкѣ мягкости характера, незлобія и добродушія, какими онъ отличается и въ преданіяхъ и въ повѣсти.

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ полковымъ писаремъ и переименованъ въ секундъ-майоры, въ какомъ чинѣ находился до конца дней своихъ. Сохранились преданія о немъ, какъ занимательномъ рассказчикѣ эпизодовъ изъ полковой жизни, который каждый разъ въ свои рассказы вставлялъ новые варианты, часто придуманные имъ во время самаго рассказа. Эти рассказы, вмѣстѣ съ радушіемъ хозяевъ, славившихся гостепріимствомъ, привлекали въ ихъ небольшой домикъ въ Яновщинѣ множество гостей, которые уважали своего любезнаго Аѳанасія Демьяновича. Находясь уже не у

дѣлъ, занимаясь пчеловодствомъ и садоводствомъ въ своей любимой деревенькѣ, онъ тѣмъ не менѣе интересовался всѣмъ, что происходило въ городахъ; съ этою цѣлью онъ часто снаряжалъ „гусара“ верхомъ въ Миргородъ или Полтаву къ знакомымъ специально за новостями. Кромѣ того онъ велъ оживленную переписку со многими лицами, жившими въ городахъ, отъ которыхъ узнавалъ о событіяхъ частныхъ и полѣтическихъ. Эти письма интересны и по стилю, и по содержанію, и даже по формѣ. Особо важныя событія передавались при помощи нѣкоторыхъ секретныхъ приемовъ. Такъ, на примѣръ, передъ нами лежитъ письмо въ нѣсколько строчекъ самаго невиннаго содержанія: „М. Г. Аф. Дем.! Я ни мало не удивляюсь, что письма сего берега очень тѣсны, ибо оно объяснить вамъ только то, что я, при засвидѣтельствovanіи моего къ вамъ высокопочитанія, имѣю честь быть, васъ м. г. пок. сл. Самойло Курновскій. 1794 г. Іюня 19“. Но стоитъ только заглянуть на обратную сторону, и мы видимъ обширное и секретнѣйшее доношеніе объ одномъ важномъ событіи: „долгомъ моимъ почитаю донести—вы можете быть изволили уже слышать, что графъ Румянцевъ паки, яко орля, обновляется. Истина сія видна изъ письма, которое къ нему императрица писать изволила“. И далѣе слѣдуетъ текстъ этого интереснаго письма Императрицы Екатерины II графу Румянцеву. Но для насъ гораздо интереснѣе ихъ частная переписка въ томъ отношеніи, что въ ней зачастую брызжетъ здоровый малорусскій юморъ, подкрѣпленный иногда какимъ-нибудь славянскимъ удачнымъ словомъ или выраженіемъ. Въ непродолжительномъ времени мы ихъ напечатаемъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Общества.

Очевидно, юмористическая жилка присуща всей семьѣ поэта: и отецъ, и дѣдъ, такъ сказать, культивировали эту характерную черту, которая получила свое высокое развитіе въ умѣ нашего великаго юмориста, Н. В. Гоголя. Здѣсь юморъ развился въ цѣльное міровоззрѣніе, благодаря которому всякое событіе, печальное или веселое, высоко-трагическое и низменно-пошлое получало свою своеобразную окраску.

Что касается Татьяны Семеновны, то въ дополненіе къ тому образу, какой нарисованъ самимъ поэтомъ, мы добавимъ еще нѣкоторыя интересные черты: она обладала замѣчательной способностью къ живописи и рисовала небольшія картины изъ деревенской природы и жизни. Въ Яновщинѣ долгое время хранились двѣ картинки, написанныя Татьяной Семеновной: фрукты и разрѣзанная дыня.

Вѣроятно, Аѳанасій Демьяновичъ, большой садоводъ, принесъ изъ сада прекрасные плоды, а Татьяна Семеновна пожелала увѣковѣчить ихъ на полотнѣ. Но, къ сожалѣнію, эти картины куда-то исчезли.

Можно допустить, что Гоголь умышленно не упомянулъ объ этой способности своей бабушки, такъ какъ желалъ изобразить типъ, у котораго вся духовная жизнь сосредоточивалась на пищѣ и гостепріимствѣ; любовь же къ живописи предполагаетъ уже значительно большій кругозоръ и высшее развитіе.

Но интересна также еще одна, довольно странная черта Татьяны Семеновны: она страшно боялась лошадей, поэтому, когда ей приходилось куда-нибудь ѣхать, что впрочемъ случалось очень рѣдко, то въ карету запрягали пару воловъ и въ такомъ видѣ ѣздили въ городъ или къ знакомымъ, нисколько не смущаясь тѣмъ любопытствомъ, какое вызывала у всѣхъ такая оригинальная запряжка.

Семейная жизнь ихъ, какъ намъ уже извѣстно, не омрачалась ничѣмъ. Она была бы даже слишкомъ безсодержательна, если бы всѣ ихъ интересы не сосредоточивались на воспитаніи ихъ сына „Васюты“ (род. 1777 г.), явившагося на свѣтъ послѣ многихъ лѣтъ бездѣтной супружеской жизни. Отецъ старался дать ему возможно лучшее образованіе и воспитаніе, поэтому сначала отдалъ его въ Полтаву, а затѣмъ въ Кіевъ. Намъ очень мало извѣстно изъ дѣтскихъ лѣтъ Василія Аѳанасьевича; изъ писемъ его воспитателя мы узнаемъ, что онъ былъ здоровьемъ слабъ, къ наукамъ способенъ, но не особенно прилеженъ и по преимуществу увлекался голубями. Отецъ былъ недоволенъ этимъ увлеченіемъ и совѣтовалъ Васютѣ бросить голубей и взяться за книги. Но, очевидно, мальчикъ былъ довольно бойкій и развитой; тяготясь школьной жизнью, онъ, какъ впослѣдствіи и его великій сынъ, съ удовольствіемъ покидалъ школьныя стѣны и мчался въ свою родную деревушку. Въ такомъ именно восторженномъ настроеніи онъ однажды пишетъ своему отцу коротенькое письмо въ стихахъ:

„Итакъ, понеже префектъ нынѣ
Началъ домой всѣхъ отпускать,
То и по насъ по сей причинѣ
Въ сей четвертокъ прошу прислать.
Я вѣчно въ жизнь не забуду
Сей милости ко мнѣ драгой,
Съ почтеніемъ же къ вамъ пребуду
Покорнымъ сыномъ и слугой

Василій Гоголь.

Въ 1797 г. Ао. Д. думалъ, по старинному дворянскому обычаю, записать своего Васюту въ гвардію съ тѣмъ, чтобы онъ выслуживалъ чины и жилъ дома, но получилъ увѣдомленіе отъ г. Ворончевского, что теперь пошли новые порядки и пріобрѣтать чины такимъ образомъ уже нельзя...*) Думали послать В. А. въ Московскій университетъ, хлопотали черезъ Д. П. Трошинскаго, но и это не удалось; пришлось заботы объ образованіи оставить въ покоѣ и совершенно измѣнить служебную карьеру В. Ао. Въмѣсто блестящей военной службы пришлось избрать гражданскую службу въ малороссійскомъ почтамтѣ, въ которой, впрочемъ, В. А. состоялъ недолго и, по выходѣ въ отставку, сталъ жить въ деревнѣ. Затѣмъ онъ состоялъ на службѣ у Д. П. Трошинскаго, завѣдуя всей хозяйственной частью по его имѣніямъ, а также всѣми денежными средствами дворянской кассы и канцеляріи Трошинскаго, бывшаго въ то время (по 1814 г.) губернскимъ Полтавскимъ маршаломъ. Всѣмъ, кто знакомъ съ существующими біографіями Н. В. Гоголя, хорошо извѣстна поэтическая натура Вас. Ао., благодаря которой въ семьѣ ихъ было отведено много мѣста эстетикѣ, а также и чудная, поэтическая повѣсть любви Марьи Ивановны (14 лѣтней дѣвочки) къ Вас. Ао., хотя и не совсѣмъ понятная съ нашей точки зрѣнія. И вся ихъ жизнь могла бы пройти, какъ дивная поэма, если бы поэтическимъ стремленіямъ Вас. Ао. не препятствовала борьба за существованіе, которая давала себя чувствовать съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Болѣзни дѣтей, заботы о воспитаніи, неудачи въ хозяйствѣ—все это омрачало небосклонъ, который былъ такъ ясенъ, чистъ и прекрасенъ. Остановимся лишь на тѣхъ моментахъ, рисующихъ обстановку семьи Гоголей, которые имѣли вліяніе на нашего поэта, Николая Васильевича Гоголя...

Цѣннымъ матеріаломъ является для насъ множество писемъ къ Вас. Ао. отъ многихъ интересныхъ лицъ, какъ Капнистъ, Хилковъ, Мартосъ, Трошинскій, изъ которыхъ можно вывести общее заключеніе, что Вас. Ао. хотя былъ и небогатъ, но пользовался любовью, уваженіемъ и даже дружбой многихъ лицъ, стоявшихъ гораздо выше его на общественной лѣстницѣ. Всѣ цѣнили въ немъ умъ, честность, веселость, остроуміе и въ

*) Это сообщеніе, какъ и многое, изъ высказаннаго раньше, находится въ противорѣчій съ утвержденіемъ г. Шенрока. Но мы во всемъ основываемся на имѣющихся у насъ подъ руками источникахъ, которые въ скоромъ времени будутъ опубликованы въ печати.

особенности поэтическую и юмористическую сторону его характера. Но еще важнѣе для насъ мемуары сестры поэта, Ольги Васильевны Гоголь (нынѣ Головин), наполненные правдивымъ, простымъ изображеніемъ ихъ семейной жизни. Здѣсь мы точно уносимся въ прошлое, ставшее уже далекимъ; прислушиваемся къ пѣнью сѣнныхъ дѣвушекъ; любуемся незамысловатымъ домашнимъ маскарадомъ, въ которомъ принимали участіе всѣ члены семьи, и нашъ поэтъ, и его сестры; присутствуемъ на старосвѣтскихъ именинахъ Маріи Ивановны Гоголь, знакомимся съ цѣлымъ сонмомъ тетюшекъ и бабушекъ, наполнявшихъ домъ Гоголей—словомъ, какъ бы воскрешаемъ всю дорогую намъ обстановку. Кромѣ того, тамъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ интересныхъ эпизодовъ изъ жизни нашего поэта, рисующихъ его со стороны отношеній къ народу, семья — но объ этомъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ. Мы рисуемъ лишь картину ихъ семейной жизни, перенесемся, такъ сказать, мысленно въ семью Гоголя и проведемъ тамъ нѣсколько моментовъ.

Итакъ, мы въ Васильевкѣ, чудномъ малороссійскомъ уголкѣ, недалеко отъ Полтавы, которому суждено было лелѣять дѣтство нашего великаго поэта. Время не пощадило многихъ прелестей, которыя ласкали взоръ поэта еще ребенкомъ, но мы можемъ, на основаніи воспоминаній современниковъ, представить себѣ общую картину этой малороссійской деревеньки... Длинный, невысокій домъ съ бѣлыми колоннами, тѣснимый съ боковъ развѣсистыми деревьями, которыя закрывали свѣтъ своими вѣтвями, проникающими сквозь открытыя окна въ комнату. Здѣсь, на верандѣ, по вечерамъ собиралось все многочисленное семейство Гоголей, съ тетюшками, бабушками, пріемышами и приживалками и за чайнымъ столомъ тихо бесѣдовали или слушали чей-нибудь рассказъ, занимаясь рукодѣльемъ; здѣсь же и нашъ поэтъ, сидя на ступенькахъ и опершись спиною о колонну, любилъ иногда послушать заунывную пѣсню кобзаря, сопровождаемую несложнымъ аккомпаниманомъ дребезжащей кобзы.

Передъ домомъ раскинулся цвѣтникъ, обсаженный кустами жасмина и розъ, разведенный заботливой рукою Василія Аванасьевича, страстнаго любителя цвѣтговъ. За домомъ тянулся садъ—паркъ. Чудный, густой, полный таинственности и прелести, онъ и теперь еще, когда многое уничтожено, производитъ обаятельное впечатлѣніе; здѣсь каждое дерево, каждая аллея имѣетъ свое особенное значеніе: вотъ здѣсь стояли еще недавно два дуба, посаженные рукою

самого дѣдушки Аоанасія Демьяновича; теперь ихъ ужъ нѣтъ, но широкіе пни, какъ угрюмыя плиты на могилахъ героевъ, говорятъ объ ихъ быломъ величїи и красотѣ; далѣе тянется кленовая аллея, посаженная рукою того же дѣдушки и въ послѣдствїи подновленная самимъ поэтомъ; а здѣсь надъ прудомъ стояли двѣ березы, старыя, толстыя, съ плакучими вѣтвями. Ихъ бѣлоснѣжные стволы были испещрены инициалами, именами и символическими знаками: нѣсколько поколѣній изъ рода Гоголей, и отецъ, и мать, и сестры, и самъ поэтъ въ молодости—всѣ вырѣзывали на ней имена, прозенныя стрѣлой сердца, кресты и т. п. Теперь ихъ тоже нѣтъ, но поэтъ увѣковѣчилъ ихъ въ своихъ безсмертныхъ произведенїяхъ. Всѣмъ памятенъ садъ Плюшкина и эта сломленная бурей береза, бѣлоснѣжный стволъ которой, какъ бѣлая мраморная колонна, блистала на солнцѣ.

Сейчасъ же, непосредственно къ саду, примыкаетъ чудный, громадный прудъ, въ которомъ прибрежныя деревья купаютъ свои зеленныя вѣтви. Великолѣпный, окруженный зеленымъ густымъ бордюромъ деревьевъ, съ растущимъ кое-гдѣ высокимъ камышомъ, онъ не могъ не отразиться въ поэзіи Гоголя, и, при взглядѣ на него, невольно вспоминаешь такія же картины Майской Ночи и т. п. Точно для довершенія впечатлѣнія, вдали, у плотины стояла водяная мельница.

Можно себѣ представить, сколько поэзіи заключалось въ этомъ небольшомъ уголкѣ, когда лѣтнею ночью въ кустахъ заливались соловьи, которыхъ особенно любилъ отецъ Гоголя, когда издали доносился ласкающій шумъ воды, падающей съ колесъ мельницы, а съ другой стороны, изъ глубины пруда слышалась звонкая народная пѣсня: это дѣвушки катаются на плоту, и пѣсня ихъ, повторяемая чуткимъ эхо, разносится далеко, далеко... И надъ всѣмъ этимъ божественная ночь раскинула свой волшебный покровъ, усеянный яркими звѣздочками.

Вотъ такая природа окружала дѣтство поэта, вотъ гдѣ источникъ его высокой поэзіи, съ чудно-поэтическими описанїями украинской ночи, заснувшихъ прудовъ и стараго, заглохшаго сада...

А когда еще ребенкомъ онъ ложился въ свою маленькую кроватку, его колыхала сгарушка-бабушка Татьяна Семеновна, которая жила при родныхъ поэта до самой своей смерти. Старая козачка, доживая свой долгій вѣкъ, напѣвала ему тихія пѣсни про старое, славное, вольное козачество, и, убаюканный тихимъ пѣніемъ, онъ засыпалъ... А надъ его дѣт-

Септопечатъ С. В. Кульженко. Кіевъ.

Марья Ивановна Гоголь.

(Мать поэта).

ской головкой, носились образы пѣсни, съ которыми онъ не могъ разстаться, а хранилъ ихъ въ своей болѣзненно-чуткой душѣ...

Завершеніе поэтического вліянія на юнаго, будущаго поэта можно видѣть въ лицѣ Василія Аванасьевича, который былъ поэтомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ обыкновенно о немъ думаютъ; чувствительный, даже иногда впадающій въ сентиментализмъ; любящій природу и въ близости съ ней видѣвшій высокое наслажденіе, онъ передалъ эту послѣднюю черту своему сыну. Онъ былъ художникъ въ душѣ и чуждъ всякой житейской прозы, вслѣдствіе чего, между прочимъ, много проигрывалъ въ дѣлахъ матеріальныхъ. Женился онъ по страстной любви на молоденькой дѣвушкѣ Марьѣ Ивановнѣ Косыровской, считавшейся первой красавицей; ей было всего лишь 14 лѣтъ, когда онъ сталъ считаться ея женихомъ. Но призракъ счастья, который стоялъ передъ глазами юнаго супружества, удалялся все больше и больше, отгоняемый ударами суровой дѣйствительности. Болѣзнь самого Василія Аванасьевича, постоянныя болѣзни дѣтей, бывшихъ вообще слабаго организма, предрасположеннаго къ рахиту,*) и болѣзнь юной матери, имѣвшей въ 19 лѣтъ троихъ дѣтей,—вотъ тѣ радости, которыми такъ щедро дарила ихъ судьба. А надъ всѣмъ этимъ царила матеріальная необезпеченность, доходившая до нужды. Часто падалъ духомъ Вас. Ав., придумывая выходъ изъ затруднительнаго положенія; то вдругъ брался за составленіе слезнаго прошенія къ Трощинскому, но скоро обрывалъ его на полусловѣ и изливалъ свое горе въ стихахъ:

„Но что же дѣлать мнѣ, я, право, самъ не знаю;

Безъ денегъ трудно жить, а что я затѣваю,

Того ужъ невозможно исполнить никогда.

Но впрочемъ бы не худо—да что же за бѣда—

Продать отповскій домъ стариннаго фасаду.

Но одного при немъ фруктоваго жаль саду“.**

И здѣсь сказался поэтъ: жаль ему разстаться съ садомъ, воздѣланнымъ его собственными руками, и онъ бросаетъ пришедшій ему въ голову планъ выхода изъ гнетущихъ обстоятельствъ...

*) Всѣ дѣти болѣли въ дѣтствѣ; изъ 12 дѣтей осталось въ живыхъ только 4, многіе развивались очень медленно; т. н. Ольга Вас. (сестра поэта) до 5 лѣтъ не могла ходить, самъ В. А. страдалъ грудью.

**) Изъ бумагъ, находящихся у автора.

А между тѣмъ молодое поколѣніе подростало... Никоша, предметъ любви всѣхъ домашнихъ, слабый, хилый мальчикъ, подверженный какимъ-то страннымъ припадкамъ, которые объясняли общимъ золотушнымъ состояніемъ, входилъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было позаботиться о его образованіи. Мы не знаемъ, какъ шло ученіе нашего поэта дома, *) до переѣзда въ Полтаву и поступленія затѣмъ въ Лицей, но полагаемъ, что оно шло такимъ же порядкомъ, какъ и послѣ у его сестры; а объ этомъ есть у насъ интересныя свѣдѣнія, которыми мы подѣлимся съ читателями. Во всякой зажиточной дворянской семьѣ того времени были домашніе учителя, которые преподавали первоначальную науку. При жизни Гоголя—отца, и у нихъ были такіе учителя, но послѣ смерти В. Ао., когда дѣла значительно пошатнулись, пришлось отдавать дѣтей въ чужіе дома, къ сосѣдямъ. Здѣсь-то на счастье выступилъ самъ Н. В. Гоголь, которому удалось устроить двухъ своихъ сестеръ въ институтъ. Младшая же, Ольга, должна была воспитываться дома.

Печальную картину педагогики и домашняго образованія рисуетъ Ольга Васильевна въ своихъ мемуарахъ. Учителемъ музыки былъ человѣкъ, игравшій самъ по слуху; своихъ учениковъ онъ заставлялъ играть правильно, прибѣгая къ помощи „скубки“, которою онъ ихъ угощалъ послѣ каждой ошибки. Желая избѣжать этого постоянного наказанія, О. В. обрѣзала себѣ волосы и затѣмъ просила совершенно остричь себя; но тогда „скубки“ замѣнились щелчками. Другая учительница музыки сама умѣла играть только одну пьесу, именно: „Во саду-ли, въ огородѣ“, которую долбила со своими ученицами долгіе мѣсяцы. Но когда О. В., благодаря своей способности къ музыкѣ, быстро усвоила себѣ нотную азбуку и стала разбирать инныя пьесы, которыхъ не знала уже учительница,—эта послѣдняя должна была удалиться въ другую семью, чтобы тамъ снова приняться за „Во саду-ли, въ огородѣ“.

Во главѣ предметовъ, наравнѣ съ музыкой, стоялъ французскій языкъ. Всѣхъ дѣтей учили говорить на этомъ языкѣ и запрещали произносить даже слово по-русски; если же кто, бывало, проговорится и скажетъ вдругъ русское слово—тому одѣвали на шею билетикъ съ надписью: „за русскій языкъ“. Этотъ „позорный знакъ“ носили до тѣхъ поръ, пока не провинился кто-нибудь другой, къ которому онъ и переходилъ. Но кромѣ такого нравственнаго униженія, этотъ „билетикъ“ лишалъ еще права сидѣть во время обѣда и получать сладкое блюдо.

*) Кулишъ говоритъ, что первоначальное домашнее образованіе Н. В. Гоголь получилъ отъ наемнаго семинариста (См.-Кул. ст. 16).

„Бывало, говорить О. В. о себѣ: заговорю я по-русски, то мнѣ подають билетикъ, но я говорю: „же ди комъ иль фо диръ“—и они вообще ко мнѣ были снисходительны“.

А вотъ еще одна картинка изъ педагогики того времени (приводимъ подл. слова): „съ нами училась у Грибовскихъ (сосѣдей Гоголя) еще одна дѣвочка лѣтъ 9; каждую субботу ее водили въ чуланъ и тамъ сѣкли, пока мы не замѣтили, что у той дѣвочки каждую субботу заплаканные глаза и спросили, чего она плакала; она сказала, что ее (Грибовская) каждую субботу сѣчетъ. Мы спросили ее, за что она ее сѣкла? та прерывнодушно отвѣтила: я ей субботу давала“. Часто замелкія дѣтскія шалости одѣвали на голову высокій дурацкій колпакъ и пр. Вотъ картина воспитанія въ помѣщичьихъ домахъ средней руки въ первую четверть XIX вѣка!

Къ счастью для насъ и для поэта, Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ пріютила у себя юнаго Никошу, что произошло не безъ вліянія Трощинскаго, игравшаго вообще большую роль въ семьѣ Гоголей. Интересенъ рассказъ О. В. о пріѣздѣ Трощинскаго въ Васильевку, о томъ, какъ сперва прилеталъ гонецъ съ извѣстіемъ, что „черезъ два дня пріѣдетъ“; ему устраивали спальню и вообще приготовлялись къ пріѣзду; на другой день верховой извѣщаетъ, что „будетъ завтра къ обѣду“; наконецъ, на третій день вѣзжаетъ верховой съ извѣстіемъ: „ѣдетъ!“. Вся семья должна стоять на крыльцѣ, въ ожиданіи его пріѣзда. Наконецъ показывается еще верховой, за нимъ карета съ двумя форейторами подъѣзжаетъ къ крыльцу и останавливается; два лакея соскакиваютъ и отворяютъ дверцы кареты... „онъ выходитъ, съ улыбкой глядя на насъ—и дальше уже ничего интереснаго не было“—говоритъ Ольга Васильевна.

Несомнѣнно, зависимость отъ сильныхъ міра сего тяжелымъ бременемъ ложилась и на родителей и на дѣтей, развивая чувство какого-то раболѣпства, о чемъ съ грустью вспоминалъ самъ Николай Васильевичъ въ своихъ письмахъ.

Но мы нѣсколько отступили въ сторону. Рисуя обстановку, въ которой росъ нашъ поэтъ, мы указали на поэзію природы и прозу жизни, вліявшихъ на него въ дѣтскіе годы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о мистицизмѣ, царившемъ въ семьѣ поэта, развившемся на почвѣ общей религіозности. Здѣсь важно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ поэтъ могъ слышать,

видѣть, чувствовать на себѣ то настроеніе, въ которомъ находилась бабушка поэта, затѣмъ мать, даже отецъ и въ послѣдствіи вся семья. Никому не ново, что мать поэта имѣла на него сильное вліяніе въ дѣтствѣ; извѣстно также, какое впечатлѣніе произвела картина страшнаго суда, въ живыхъ краскахъ представленная матерью впечатлительному уму поэта-ребенка: въ продолженіе всей жизни стояла передъ его глазами эта страшная картина. Но не только этотъ единичный фактъ способствовалъ выработкѣ настроенія: въ семьѣ Гоголя мистицизмъ и религіозность были господствующимъ настроеніемъ, сопровождавшимъ всѣ главнѣйшіе моменты жизни. Не вдаваясь въ подробности, мы сгруппируемъ здѣсь только наиболѣе знаменательные факты и предоставимъ каждому судить о томъ, въ какой мѣрѣ они рисуютъ то именно настроеніе, о которомъ мы говоримъ.

Уже въ бракѣ Василя Афанасьевича и Марьи Ивановны чувствовалось ими присутствіе какой-то высшей силы, участіе Божественнаго Промысла. Вас. Афан., при встрѣчѣ со своей будущей женой, вспомнилъ, что сама Царица Небесная, явившись ему во снѣ, указала ему на образъ женщины, въ которой онъ узналъ теперь Марью Ивановну. И эта Божественная Сила не оставляла семьи Гоголей никогда, когда-бы ни обращались къ ней за помощью: такъ и рожденію нашего поэта предшествовали молитвенныя обращенія къ Небу и Святымъ о ниспосланіи имъ сына, и самое имя Николай дано въ честь чудотворнаго образа Св. Николая, что въ Диканькѣ.

Такимъ образомъ, нашъ поэтъ, какъ испрошенный у Бога, съ самыхъ раннихъ лѣтъ находился подъ особеннымъ наблюденіемъ и воспитывался въ высоко-религіозной атмосферѣ, созданной родною семьею, и въ особенности поддерживаемой первоначально бабушкой поэта, Татьяной Семеновной, унаслѣдовавшею ее отъ своего отца. Нѣкоторые печальныя условія заставляли очень часто обращаться съ горячей молитвой о помощи, и когда эта помощь являлась, то вѣра въ Бога и Провидѣніе укрѣплялась все больше и больше, и каждый членъ семьи считалъ своею первою обязанностью отдавать свои силы и средства на служеніе Богу. Не говоря о томъ, что посѣщеніе церковныхъ службъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ, въ семьѣ Гоголя особенно любили посѣщать, по возможности пѣшкомъ, святыя мѣста, монастыри, какъ напр., въ Диканькѣ, Будишахъ, Лубнахъ и т. п. Въ Васильевкѣ долгое время находился большой, обитый желѣзомъ, сундукъ, съ продѣланнымъ въ крышкѣ отверстіемъ, чрезъ

которое бабушка часто опускала деньги, предназначенныя на устройство храма; кромѣ того, когда въ церкви разбился колоколъ, Ольга Васильевна завела кружку, куда опускала всѣ свои свободныя деньги для покупки колокола и собрала около ста рублей, которые и пошли для указанной цѣли.

На столѣ у нихъ постоянно лежало евангеліе, а любимымъ чтеніемъ матери, бабушки, а потомъ и Ол. Вас. были четьи-минеи, въ старинныхъ, кожаныхъ переплетахъ. Религіозно-мистическое настроеніе часто даже склонялось въ сторону аскетизма, выражавшагося въ изнурительномъ постѣ, бывшемъ даже отчасти причиною смерти матери поэта, въ продолжительномъ стояніи на молитвѣ и пр.

У нѣкоторыхъ изъ членовъ семьи даже развилась потребность въ аскетическомъ уединеніи и подвижѣ; такъ напр., въ саду былъ устроенъ гротъ, предназначенный отцомъ Гоголя, любимымъ поэтическіе укромныя уголки, для отдохновенія и поэтическихъ размышленій. Но вскорѣ музы должны были уступить мѣсто иному, высшему: туда перенесли иконы, св. книги, и, вмѣсто поэтическихъ вздоховъ, тамъ раздавалось тихое, продолжительное, однообразное чтеніе молитвъ и псалмовъ. Ол. Вас. говоритъ о себѣ, что она часто молилась до потери сознанія, до полного изнуренія, и даже отъ продолжительнаго стоянія на холодномъ полу у нея стала замѣчаться опухоль ногъ! Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Ольга Васильевна ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ нашему поэту въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и ихъ письма всегда проникнуты однимъ духомъ, одной идеей.

На всей семьѣ лежала печать монастырскаго смиренія и послушанія, лишь изрѣдка нарушаемаго веселымъ характеромъ Вас. Аван., который не всегда могъ поддержать общее настроеніе. Живой, общительный, душа общества, онъ всегда вносилъ живую струю веселящаго и бодрящаго юмора туда, гдѣ находился, впрочемъ, лишь тогда, когда обстоятельства не слишкомъ тѣснили его. Но вообще рѣдко можно было слышать непринужденное веселье и радость въ семьѣ Гоголя; только на именинахъ матери, когда въ продолженіе нѣсколькихъ дней шло пированье, пѣсни, пляски, когда отовсюду съѣзжались на традиціонный праздникъ 1-го октября въ домъ уважаемой Марьи Ивановны, а еще болѣе зимой, на святкахъ. Вся семья бывала въ сборѣ; пріѣзжалъ и Никоша, „Нѣжинскій гость“, какъ его называли; онъ-то бывалъ главнымъ распорядителемъ во всѣхъ этихъ святочныхъ забавахъ. Сестры рядились во фраки или въ узкій лицейскій мундиръ, выво-

рачивали наизнанку шубы, а мужчины, въ томъ числѣ и Николай Васильевичъ, въ женское платье... Не обходилось безъ традиціоннаго чорта, дѣда, вѣдьмъ. И вся эта наряженная компанія съ визгомъ, смѣхомъ, пѣнями неслась по улицамъ села къ сосѣдямъ, весело врываясь въ старые помѣщичьи дома и внося веселье и радость среди полужаснувшихъ обитателей, старосвѣтскихъ помѣщиковъ... Здѣсь молодость разбивала ледяныя оковы аскетизма и съ бою брала то, что ей принадлежит по праву: радость, бодрость духа и веселье! Мы не говоримъ здѣсь о томъ весельи, которое царило въ украинскихъ Аѳинахъ, у Трошинскаго. Семья поэта посѣщала Кибинцы больше по обязанности, а не по внутреннему сердечному побужденію; да и въ раскатахъ смѣха, часто принужденнаго, тамъ можно было не разъ уловить незримыя и невѣдомыя міру слезы...

Вотъ та среда, которая воспитала нашего незабвеннаго поэта. Внимательный изслѣдователь найдетъ въ ней начало и объясненіе многому, что насъ интересуетъ при изученіи жизни, взглядовъ, убѣждений, направленія таланта и даже общаго склада мысли поэта.

Мы прослѣдили исторію семьи Гоголя за періодъ около столѣтія, стараясь отмѣчать главнѣйшія черты ея, имѣвшія прямое или косвенное вліяніе на развитіе характера и склонностей поэта. Общее, что мы находимъ у всѣхъ представителей рода его, въ особенности у ближайшихъ, есть то, что можно назвать словомъ даровитость. Къ этой общей чертѣ присоединялись инныя, болѣе частныя, но въ высшей степени характерныя; все это въ совокупности создало атмосферу семьи Гоголя, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Воспитанный въ этой атмосферѣ, онъ усвоилъ себѣ ея характерныя особенности, которыя вмѣстѣ съ нимъ росли и развивались, найдя себѣ чистую сокровищницу въ душѣ поэта.

Насколько сильно онъ былъ привязанъ къ семьѣ, насколько дорога и мила была ему семейная обстановка, видно почти изъ каждаго письма его, въ особенности Нѣжинскаго періода. Хилый, болѣзненный, съ частыми болями въ груди, онъ покинулъ родное гнѣздышко и полетѣлъ туда, гдѣ думалъ развить свои способности и обогатить свой умъ новыми познаньями.

Но привыкшій къ ласкѣ окружающихъ, онъ тосковалъ въ неуютныхъ, холодныхъ стѣнахъ Гимназіи высшихъ наукъ, тщательно скрывая свое горе отъ самыхъ близкихъ. Только иногда прорывается вопль боль-

ного, просящего свободы, родины, ласки, и воображеніе уносить его въ родную Васильевку. Не останавливаясь на подробностяхъ этого періода, сыгравшаго сравнительно малую роль въ развитіи способностей поэта, мы лишь повторимъ приговоръ, высказанный самимъ поэтомъ о своей alma matre, въ которой онъ „потерялъ“ шесть лѣтъ жизни: „Нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще... Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совсѣмъ не учать. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, бывъ тамъ, позабыли послѣднія“... Печальныя признанія, въ особенности потому, что здѣсь же невольно встаютъ передъ нашими глазами полныя восторга, любви и благодарности слова, высказанныя другимъ нашимъ поэтомъ, Пушкинымъ, по адресу своей almae matris—Царско-сельскаго лицея:

„О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!
И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза.
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ!..

Но если Нѣжинскій лицей не могъ развити способностей поэта, то къ счастью, онъ не могъ ихъ окончательно заглушить; родникъ дарованія, клокотавшій подъ тяжестью давящихъ камней лицея, долженъ былъ рано или поздно выбиться и заблестать своею кристальною струею... Но для этого стѣны заведенія были слишкомъ суровы; слишкомъ мало было тамъ „свѣта“, и за этимъ свѣтомъ душа поэта стремилась „туда“, на сѣверъ, въ Петербургъ.

Сынъ широкихъ полей, сынъ роскошныхъ украинскихъ ночей устремился туда, гдѣ можно было получить отвѣтъ на тѣ запросы, которые смутно волновали юную душу... Но суровъ и холоденъ былъ сѣверъ; онъ не согрѣлъ тепломъ участія того, кто такъ въ немъ нуждался, и сидя на четвертомъ этажѣ, въ маленькой нетопленной комнатѣ, будущій поэтъ задумался, загрустил... А воображенію его рисовались родныя мѣста, и домикъ, и прудъ, и мать!..

И какъ часто вставала передъ его глазами эта близкая сердцу картина, въ особенности, когда было тяжело на душѣ: „Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; дѣсь несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенить въ туманѣ... Вонъ русскія избы виднѣются. Домъ-ли то мой синѣетъ въ дали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучать его! Прижми къ груди своей бѣднаго сиротку... Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!“ Такъ восклицаетъ поэтъ устами одного изъ своихъ героев.

А въ письмахъ онъ не разъ вспоминаетъ тихій Песель, и лѣсъ, и садъ въ которомъ онъ проводилъ цѣлые дни, съ лопатою въ рукахъ, разбивалъ цвѣтники и дорожки.

Но нельзя было все время предаваться грустнымъ размышленіямъ: жизнь бросала вызовъ и требовала выступить на борьбу, чтобы пасть или побѣдить. Вотъ тогда поднялось все то, что таилось въ глубинахъ души поэта, навѣянное жизнью и поэзіей родины, всѣ духовныя силы, жаждавшія выхода на свободу. Борьба была трудная, но побѣда осталась за поэтомъ. Подъ радостные гимны друзей и безсильные крики враговъ протекла его недолгая жизнь, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, онъ является могучимъ столпомъ, поддерживающимъ храмъ національной литературы, хотя слабѣе перваго по таланту, но едва-ли не болѣе самобытнымъ.

Этой послѣдней черты никто не можетъ оспаривать именно потому, что всѣ главнѣйшія особенности его таланта и міровоззрѣнія есть достояніе его рода, его предковъ, отъ которыхъ нашъ поэтъ и получилъ эти невещественные дары. Чего же не могли подарить люди, тѣмъ наградила его вторая мать—природа. И любовь къ козачеству, идеалы котораго такъ близки сердцу поэта, и юморъ, развившійся въ міровоззрѣніе, и даже глубокая религіозность, доходящая до мистицизма—все это получило дальнѣйшее развитіе съ развитіемъ самого поэта, но зачатки его мы видѣли давно у представителей рода: его отца, дѣда и прадѣда. А природа раскрыла ему свои тайны, и воспитала въ немъ художника съ высоко развитымъ чувствомъ природы—и въ этой области онъ и доселѣ стоитъ выше другихъ.

В. Чаговецъ.

Світлопечать С. В. Кульженко. Київ.

Марья Васильевна Трушковская
(ур. Гоголь).